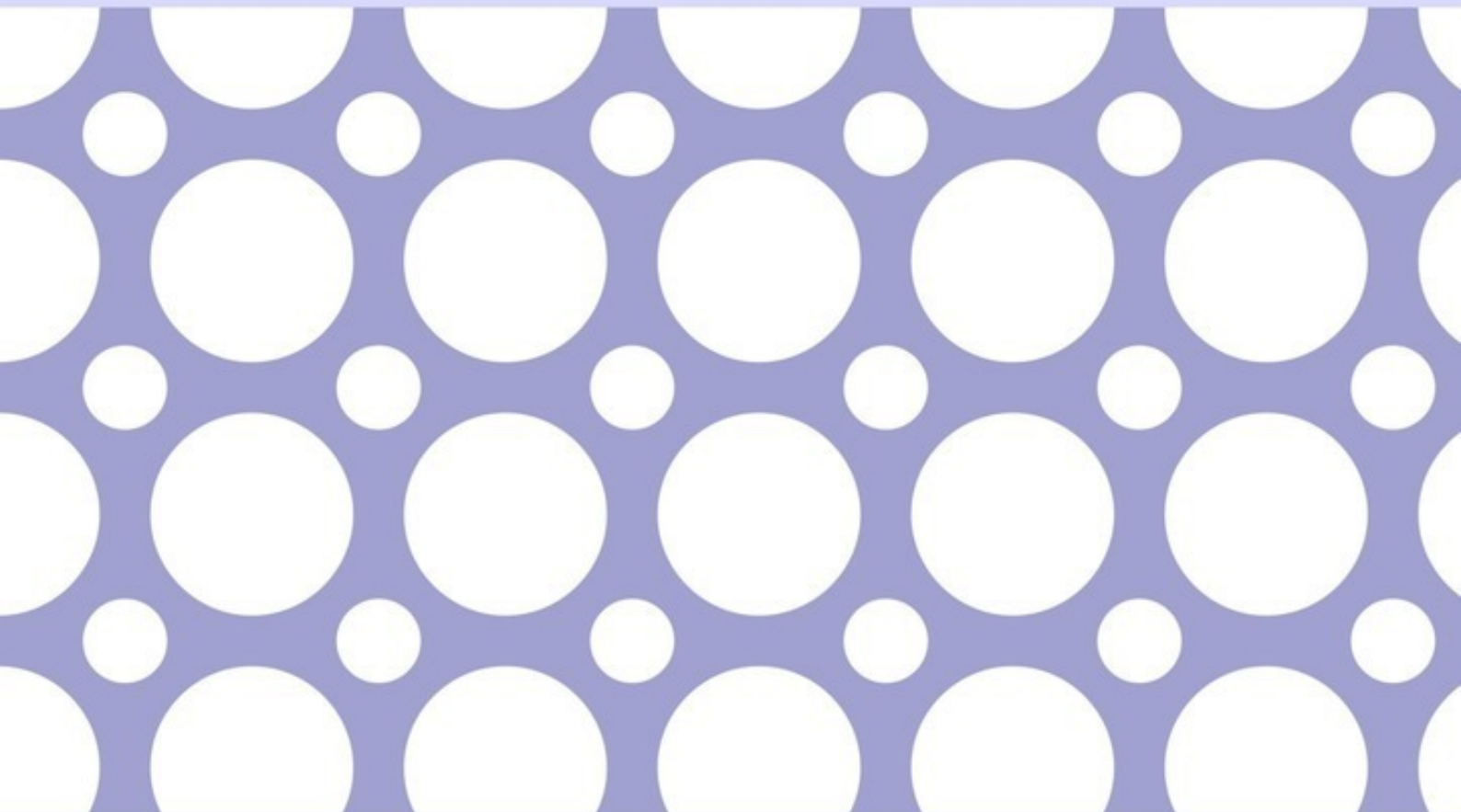

Алина Томчук

БИЕНИЕ СЕРДЦА

Алина Томчук
Биение сердца

«Издательские решения»

Томчук А. Н.

Биение сердца / А. Н. Томчук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904794-6

Дана, еще являясь студенткой университета, на кафедре журналистики, заявила о себе всему миру как об «акуле пера». А все началось с курсовой работы на тему «Влияние наркотиков на общественную среду». Решив просветить проблему изнутри, Дана решается на опасную махинацию, знакомясь с молодым олигархом, сыном влиятельного чиновника, который промышляет торговлей наркотиками на черном рынке. И все было бы хорошо... если бы не вспыхнувшие чувства к самому Антону Архипову.

ISBN 978-5-44-904794-6

© Томчук А. Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава3	11
Глава6	18
Глава9	22
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Биение сердца

Алина Николаевна Томчук

© Алина Николаевна Томчук, 2018

ISBN 978-5-4490-4794-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Дана вздрогнула, ощутив прохладное прикосновение к своей руке. Красивая, ухоженная ручка, с ярко-красным, ультрамодным маникюром, как будто порхая, пыталась вырвать Дану с глубокой задумчивости, которая поглотила ее буквально целиком. Это были думы, которые с поразительной цепкостью завладевали людьми, подверженным меланхолическим припадкам и депрессивности. Люди, которые будто просыпаясь от тяжелого сна, обнаруживали себя в других городах, в других пространствах. Тонкими нитями памяти запутавшейся в тугой клубок, эти люди извлекают из глубин понятия, в чем суть этой новой обстановки, какая ситуация связала их с этими новыми, абсолютно чужими людьми, которые несмотря на твою красно-речивую отдаленность, продолжают тебе улыбаться, с притворным вниманием интересуются твоими бедами, после чего фальшиво одаривают тебя своим приторным сочувствием. И если у тебя мелькает луч мысли, что твои проблемы, твои горечи и беды, они лишь твои, неотъемлемая часть только тебя, когда ты стараешься удержать дистанцию с мнимыми доброжелателями, показное дружелюбие как рукой снимает. Поджатые губы, приподнятая бровь, которая скрывает уже холодный взгляд. Тебе быстро дают понять, что ты им уже не интересен, что им ты был больше по душе в роли жертвы.

Все эти мысли мелькнули в голове у Даны, пока она попыталась сфокусировать свой взгляд на холенной ручке которая настойчиво, и даже с каким-то остервенением, трепала Дану, то за руку, то за застывшее плечо. Вслед за этим, как из дна глубокого колодца, до Даны начал доноситься звук голоса, сначала монотонный гул, будто из преисподней, потом модуляция раздваивалась, переходя в приятный звон. С большим усилием, Дана заставила себя поднять глаза, чтобы выяснить, кому же все-таки принадлежит эта белая, гладкая ручка, с таким упорством пытающаяся растолкать ее. Понемногу, затуманенный слезой глаз, вырвал из окружающей обстановки склонившееся над Данной лицо, серые глаза которого с растущей тревогой смотрели на нее. Синяя фуражка с эмблемой самолета, сидевшая на строгой прическе из белокурых волос, наглухо застегнутый на самую верхнюю пуговицу безупречной белизны блузы воротник, свидетельствовали о том, что перед Данной стюардесса, всеми силами пытавшаяся получить от нее ответ, вопрос на который, судя по ее озабоченному выражению лица, был задан довольно-таки давно.

– Девушка, с вами все в порядке? Как вы себя чувствуете? Вы меня слышите? Вы можете мне ответить? – Вопросила молоденькая стюардесса Дану.

Мелькнула мысль, что если она не ответит, то красотка стюардесса поднимет на ноги весь авиасалон воздушного лайнера, в главе со всем экипажем и пассажирами вместе взятыми.

Ценою невероятных усилий, Дана сосредоточила свой взгляд на лице заядливой бортпроводницы, и слегка надтреснувшим голосом, как следствие долгого молчания, ответила

– Да, да, спасибо, у меня все в порядке, все просто отлично, немного замечталась...

– Понимаю... – Натянуто улыбнулась стюардесса, на бейдже которой, большими, золотистыми буквами выводилось имя «Валерия». – Простите, что так настойчиво вырываю вас из ваших грез, просто мне показалось, что вам не совсем хорошо. Я уже подумала, что возможно вы испугались взлета. Знаете, очень многие пассажиры боятся взлетов и посадок, а когда наш борт попадает в зону турбулентности, так вообще, такую панику поднимают...

И по мере того, как красноречиво стюардесса Валерия описывала все трудности и заботы связанные с ее работой и боязливими пассажирами, Дана опять начала терять, обретенную с таким трудом, нить недавнего разговора. Взгляд ее опять затуманился, голос стюардессы зазвучал как из далека. Смышленная Валерия еще раз присмотревшись к неразговорчивой пассажирке по своему истолковала отстраненный вид девушки. В силу своей юности, беззаботной жизни, к которой приложили свою небедную руку родители Леры, так как она была един-

ственным и любимым ребенком в семье, Валерия, безмолвный вид Даны, и правда приняла за мечтательность. Еще раз откашлявшись, бортпроводница, уже заученным голосом профессионала, поинтересовалась

– Я могу вам еще как не будь быть полезна? Может чай, или что то другое, пожелаете выпить?

– Нет, спасибо... -Словно ватным языком промямила Дана. – Хотя, подождите – Цепким движением, словно от этого зависела ее жизнь, остановила Дана стюардессу, которая уже развернулась, чтоб уйти. – Пожалуй, за стакан холодной воды с лимоном, я буду вам очень признательна.

– Конечно, одну минуту – Ответила настороженно улыбаясь Валерия и одновременно освобождая руку с цепких пальцев Даны.

Еще раз окинув Дану, уже более внимательным взглядом, стюардесса подумала, что у ее пассажирки, уж совсем не вид влюбленной мечтательницы. Юная Валерия, которой в жизни досталось все на блюдечке с золотой каемочкой, не смогла проникнуть своим взглядом глубже растертой губной помады на лице Даны и осыпавшейся туши, все эти не стоящие составляющие, не могли принадлежать женщине знающей себе цену. Поэтому, с легкой совестью Лера собрала все эти улики в одну, нарисованную своим воображением, картинку и решила, что эта неуравновешенная, неопрятная особа в юбке, по какой- то ошибке оказавшаяся на борту их элитного воздушного лайнера, больше не стоит ее внимания.

Сама же Дана, уже полностью забыв о стюардессе, опять погрузилась в свои невеселые мысли. Она не заметила с какой апатичностью была преподнесена ей вода с лимоном, принесена уже не красоткой Лерой, а пареньком стажером, о чем свидетельствовал нагрудный бейдж. Видно это был его первый рейс в длительной стажировке, так как он заметно сильно нервничал, подавая воду своей дрожащей ручонкой, от чего треть напитка пролилось Данае на подол ее легкого платья, цвета топленного молока. Юноша увидев пробел в исполнении своих обязанностей ступешевался, и уже открыл рот для принесения извинений перед пассажиркой, про себя молясь, чтоб та не закатила скандал из за испорченного платья. Эта может, не зря Лера отказалась с ней работать, составив в адрес путешественницы не весьма лестные характеристики. Поэтому и Илья сейчас здесь, а Лерочка заискивает перед более покладистыми пассажирами, которые в благодарность за высшее обслуживание непременно позолотят ее холеную ручку. Итак, Илья уже мысленно распрощался с мечтой о работе на этом самолете, приготовился к бурной сцене, которую гарантированно закатит эта особа, и скандала которой хватит, что бы его начальство сочло его не пригодным для стажировки на их борту, за что его, вместе с мечтами и несбывшимися амбициями, отправят на все четыре стороны. А из за этого косяка, его как пить дать, отправят стажироваться на какой-то третьесортный, между городской рейс, с перекошенными от старости крыльями самолета, пропыленными дорожками, именуемые ковравыми, и доходягой, капитаном экипажа, который досчитывает свои дни до пенсии за чисто символическую плату и почетную запись в трудовой книжке.

И по истечении того времени, как в меркантильном уме желторотого стажера мелькали все эти неутешные мыслишки, Данин палец начал выводить невидимые узоры на мокром пятне, которое все больше и больше расплзлось в разные стороны, поглощая легкую ткань красивого платья. Девушка водила пальцем туда суда, но больше не последовало абсолютно никакой реакции на мокрое происшествие, из чего стажер сделал смелые выводы, что для него же будет лучше, если он не станет заострять внимание рассеянной пассажирки на неприятном происшествии. После чего, пятясь, расшаркиваясь, как заправской шут, задним ходом удалился в подсобку для персонала.

Дана и правда не обратила ровным счетом никакого внимания ни на плута стажера, ни на пролитую воду и испорченное платье. С отсутствующим видом, одной рукой она вертела стакан с прохладным напитком, свежесть и прохлада которого была так приятна на прикосно-

вание, что она даже не стала его пить, пальцами другой руки она выводило узоры на мокром пятне платья, не понимая, ни откуда оно, и даже не осознавая, что оно есть.

Медленно повернув голову в сторону маленького иллюминатора, Дана снова с головой ушла в свои горькие воспоминания.

Глава 2.

Дана выросла в неполной семье. Пока она была маленькой, на вопросы об отце, от матери получала самые смелые ответы. То он представлялся ей как герой космонавт, подавшийся в Космос исследовать никем неведанную, новую планету. Чуть позже ей его выдали за ученого геолога, который последовал в дальнюю, опасную экспедицию и так и не вернулся оттуда ни со славой, ни с большим открытием.

Когда девочка уже училась в четвертом классе, по дороге со школы домой, на перекрестке, за углом которого и жили они с матерью, в маленькой, тесной и какой-то, что зимой, что летом, душной однокомнатной квартирке, Дана встретила мужчину. Он был небольшого роста, и лицо и походка подозрительного дяденьки казалась девчужки до боли знакомыми.

Разнузданным взмахом он стянул с лохматой головы вязанную, некогда зеленую, шапку и синими губами, обнажая почерневшие останки зубов, прошмякал.

– Здорова, доча! Неужто не узнала папку!? — И раскинув руки, попытался заключить девочку в свои запоздалые, отеческие объятия.

Дана не могла поверить, что перед ней ее герой-отец, не геолог, не космонавт, а житель этой же Галактики, причем род его занятий, как говорится, был предоставлен фактом на лицо. Как бы подтверждая догадку Даны, горе-отец не заставил себя долго ждать и продолжил обращаясь к дочери.

– Не бойся, дочка, обними своего батю, поцелуй. Ишь как вымахала, я тебя еще поперек кровати помню, а шас какая большая. И вся в меня, такая же красавица.

Дана и правда была копией своего отца. Те же черные, как смоль, волосы, те же огромные, сине-зеленые глаза, та же густая бахрома ресниц, тот же широкий полет темных бровей. В молодые годы отец Даны, Станислав Викторович, был очень красив, не одно женское сердце разбивалось о неприступную, суровую, мужскую красоту, да и руки были у него золотые, вот только ноги с правильной дороги свернули и ступили на зыбкую почву, которая и засосала мужчину, сделав из него того, кем он являлся теперь. И уже не Станислав Викторович, а просто Стася, как его теперь величают друзья-собутельники, стоял перед Данной и продолжал пропитым голосом.

– Не, ну совсем как не родная. Это что же за кровь такая дурная, чтоб родного отца не признать? У меня тут хворь недобрая взялась, я й подался к доченьке своей, к кровинушке, думал признает, обрадуется... А она и знать меня не хочет! — Приговаривал Стася, похлопывая носом и подтирая пьяную слезу, облезлым рукавом обтянутого свитера.

Чувство стыда и брезгливости, словно снежная лавина, накрыло Дану с ног до головы. Ни капли жалости, ни капли сострадания, не почувствовала она к этому низкому существу, которое упорно продолжало называть себя ее отцом. Не смотря на обуреваемые ее чувства гнева и отвращения, трясущейся рукой Дана сняла с плеч свой старенький, но опрятный рюкзачок, в ее руках тихо клацнула защелка, и вытянув из ранца маленький сверток, протянула дрожащей ручонкой его мужчине.

– Держите, мама научила меня хлеба не жалеть, ни людям, ни животным, больше у меня ничего нет! И ходить за мной не надо, вы не мой папа. Мой отец погиб много лет назад, он был героем! — С наигранной гордостью произнесла Дана. — Память о нем мы с мамой свято храним и чтим. А вас, мы знать не знаем, да и знать не хотим. Не ваша я дочь! Ясно? А вашу мне жаль! Не хотела бы я для себя такого отца! — И круто развернувшись после столь смелой бравады, она бросилась бежать.

Дана бежала не разбирая перед собой ни тропы, ни дороги. Сердце, как загнанная в силки птица, билось о ребра. Глаза застилала слезы, это были слезы злости, горечи и боли, так как девочка прекрасно понимала с кем она разговаривала, и кем приходится ей этот мужчина. Это была первая и последняя встреча за всю ее жизнь с родным отцом, встреча, которая до сих пор стоит с четкой ясностью перед ее глазами.

Маме она ничего не сказала, не хотела ее расстраивать, видя и так, как с каждым днем плечи Надежды Алексеевны все больше и больше никнут под грузом вечных забот. Наденька, мама Даны, работала не покладая рук, с утра до вечера обшивая своих клиенток, так как с иглой в руках она была на «ты», и с пары метров невзрачной на вид ткани могла сотворить модный, феерический наряд. От клиенток отбоя не было, но клиентура ее была из того же круга, что и они, больших денег Надины клиентки не могли заплатить за ее кропотливую работу. Несмотря на это, Надежда Алексеевна растила из Даны настоящую леди, прививая ей с ранних лет любовь и восхищение к прекрасному. Девочка росла маленьким, экзотическим цветочком-смуглая кожа и черные, как смоль, кудряшки необычайно ярко подчеркивались большими, не то зелеными, не то сине-голубыми глазами. Мама Даны, в свою очередь, старалась подчеркнуть необычайную красоту своей дочурки, наряжая ее в различные прелестные наряды, пошитые своими же руками из оставшейся, от различных заказов, ткани.

Время бежало с космической скоростью, Дана росла, мама старела. Сердце закипало в груди у Даны, когда ее глаз замечал у Надежды Алексеевны очередную морщинку, белое кружево сединок, которые та пыталась маскировать с помощью модной и актуальной, на то время, краски для волос, с пепельным оттенком. Но не смотря на все бытовые проблемы, которые сыпались со всех сторон, как снег на голову, бедной Надежде Алексеевны, это была не женщина, а кладезь, из которого энергия била мощным, неиссякаемым ключом. Ни разу Дана, за всю свою жизнь, не видела мать плачущей и сетующей на свою не сложившуюся жизнь. Единственным девизом этой сильной женщины были слова «Мы еще повоюем!» Так что, каким бы бесконечным потоком на семью не валились горечи и беды, ни апатии, ни меланхолии, не удалось покорить себе эту необыкновенную женщину, так упорно пытавшуюся жить и вести за собой твердой рукой свою любимую дочурку. Дана же, в свою очередь, боготворила свою мать. Она росла умной, доброй девочкой и с малых лет обладала такими качествами как самостоятельность, чувство ответственности и глубокой, безграничной гордости благородного сердца. Школу Дана окончила с отличием, в кругу друзей была незаменимым путником, отличаясь от своих сверстников веселой дерзостью, которая граничила с чрезмерной серьезностью, короче говоря, качествами, которые по мнению окружающих, не могли совмещаться в одном человеке. Характер Даны поражал своей многогранностью: то она смеялась и резвилась, как шальной чертенок, и эхо ее звонкого смеха разносилось далеко за пределы их тихого, тенистого двора, то она поражала окружающий мир своим адаптическим, не с лет, мудрым взглядом, в котором светился огонь больших знаний и грандиозных идей. Тут Дана нашалила в школе, мячом разбив окно, играя в классе футбол вместе с мальчишками, полностью проигнорировав всех девочек вместе с их куклами. А тут уже, она оформила, под своим началом, «зеленую милю», собравши по школе десятки детей-волонтеров, которые собирали по всей округе их небольшого городка, брошенных животных и пристраивали их в добрые, отзывчивые руки, небезразличных граждан. Она была настолько не постоянна, что даже, ни ее классный руководитель, ни другие учителя, не могли составить своей ученице твердую характеристику. Так как сегодня была нужда вызывать мать Даны к директору, за сорванный урок и поднятие бунтовского духа среди учеников, а завтра, уже надо приносить благодарность за дочь, за светило ума, который принес школе много побед на Олимпиадах разного уровня, начиная от внутренних, школьных и заканчивая первыми областными.

Настоящих друзей у Даны было не много, как у каждого человека, который уже родился лидером, как у человека, обладающим равной красотой внешнего и внутреннего мира.

Поэтому, еще со школьной скамьи, Дана столкнулась со всеми сторонами человеческой злобы, зависти и двуличия. Отличники таили злобу на девушку за то, с какой поразительной легкостью ей удавалось усваивать учебный материал. Юные модницы, которые поражали воображение даже самых заядливых кокеток своими дорогими, а порой и заграничными нарядами от известных, мировых кутюрье, были не в себе от злости, замечая, что внимание популярных мальчиков из школы, больше принадлежит курносой Данае, с гривой черных волос, что их внимание больше приковано к зеленым глазницам, чем к их дорогим и ультрамодным аксессуарам. Хотя и симпатия мальчишек к Данае была тоже скрытой... Девушка росла самостоятельной, гордой личностью, абсолютно не склонной к идолическому поклонению. И если, что то и могло ее заинтересовать, то только поступок, а не цвет и марка лейбы, на модных, в то время, джинсах. Заложенное природой чувство женственности еще не осознанно руководило ее понятиями о качествах, которые должны были быть присущими, как в представителях сильного, так и слабого пола. Такие принципы естественно не могли привлечь экзальцированную молодежь, единственным стремлением которой, была кич, построенная на реп-музыке и популизме собственного эга.

Этим же шагом Дана вошла и в более взрослую, студенческую жизнь. После недолгих раздумий, девушка выбрала стезю в жизни, которая должна была пробить ей широкую дорогу в будущее. А именно, факультет журналистики в столичном университете. Ценою титанических усилий, как самой Данае, так и Надежды Алексеевны, все-таки удалось вырвать место студентки Киевского университета, причем в не контрактную группу, а на место, одного из пяти, бюджетников.

Дана и в детстве не была гадким утенком, но в свои семнадцать лет превратилась в по истину прекрасного лебедя. Невысокого роста, хрупкая и изящная, словно высечена из хрусталя, вся ее суть, весь стан, даже не говорил, а просто кричал о потрясающей силе чистоты и женственности. Не стоит скрывать, что Дана прекрасно осознавала всю силу своей привлекательности, покривить душой, если сказать, что это не тешило ее самолюбия, так как не смотря на всю чистоту и нравственность, с которой она была воспитана, она все-таки была, хоть и молодой и юной, но женщиной до кончиков пальцев. Жизнь научила Дану четко и по полочкам расставлять свои приоритеты, и она с легким сердцем использовала все дары, которыми так щедро наделила ее природа, для достижения своих целей. Но как известно, гордый рассудок не рабощет перед иллюзией доступности. Поэтому, красивой, умной и все-сторонне развитой Данае, все доставалось, возможно, в сто крат, труднее, чем ее более пустым, но менее принципиальным, одноклассникам.

Глава 3

Учебный год пробежал за годом. Дана оказалась настоящим полиглотом в области журналистики, при чем осваивала она только высшие материи, видя себя «акулой пера» серьезного материала, оставив весь блеск гламура и глянца, восходы и закаты «золотой молодежи» и круглосуточный ажиотаж мирового шоу бизнеса, своим сокурсницам, считавшим, что девушка-журналист – это розовый гламур и красная, ковровая дорожка. А все там военные, политические и континентальные дразги, дело сильной половины, которая, частично, по настоянию родителей, просиживали лавы университетских аудиторий.

Заканчивался третий курс кропотливой Даниной учебы. Всю ночь Дана работала над курсовой, от которой зависела дальнейшая судьба девушки в профессиональном плане. Тема, над которой корпела последние полгода Дана была преслуватой, избитой сотнями аналогичных работ. В связи с этим, Дана буквально извелась работая и дни и ночи на пролет, чтоб написать ее без наложенных уже стандартов, чтоб раскрыть самую золотую середину данного вопроса, не повторив чужих афоризмов и избитых временем сутей и ее идей. И нет ничего странного, что ей это удалось, да и в чем вопрос, если не ей, то кому?

Об этом ей сообщила староста их группы, которая ворвалась в аудиторию с силой торнадо и закричала.

– Дана, Дануль? Ну что ты спишь? Давай быстро к ректору, он срочно велел тебя разыскать!

Перепуганная таким бурным натиском Дана, которая и правда задремала за партой в аудитории, во время ожидания следующей лекции, которая должна была начаться не ранее как за сорок минут, спросила.

– Настя, да что случилось то? Чего ты мельтешешь? Что то не так с моей курсовой?

– С чего это ты взяла?

– Ну если нет, то нашу планету, как минимум, атаковали марсиане. С чего такой переполох?

– Дана, давай меньше текста, больше дела. Пулей к ректору говорю тебе. – Никак не могла угомониться староста.

Театрально вздохнув, Дана медленно поднялась со стула, на котором ей так сладко спалось, нарочито медленно, с грациозностью дикой кошки потянулась и лениво зевая, пообещала взволнованной сокурснице.

– Да бегу я, бегу, лечу уже, мчусь на всех парах. – После чего медленно направилась к выходу из аудитории.

Внутреннее же состояние девушки не было таким спокойным. Сотни мыслей мелькали в голове, сменяя одну не менее отградней другой. Чем же вызвана вся эта суета и срочный вызов к ректору? Неужели в своем, довольно-таки смелом, эксперименте, для работы над курсовой, Дана зашла слишком далеко? Неужели, зацепила какое-то тонкое звено, которое надедало шума по всей колокольне? Неужели, руководство университета, посчитало ее меркантильной выскочкой и упрячет ее с глаз долой вместе с ее докладом?

Дане и самой иногда казалось, что со своей работой над материалом, онахватила лишнего. Кому-кому, а ей понадобилось очень много душевных сил, чтоб заставить себя пустить в ход свой тракт. Ей, как никому, хотелось свою отпечатанную рукопись оставить пылиться на самой дальней полке шкафа... но она не могла... не для этого ее мать растила... она просто не имела права не реализовать свой труд...

И что делать, если ректор на самом деле отвергнет ее доклад, хотя курсовую уже зачли, может ли деканат вернуть работу? Но как же тогда демократия, пропаганда которой, внушается в стенах этого учреждения с утра и до ночи? Как свобода слова, в этой стране, и что

тогда вообще подразумевает под собой «журналистская этика» и «прозрачность пера»? Или это опять мыльные пузыри, мишура, для таких наивных идеалистов как она? Крылатые речи, возвышенные метафоры на самом деле ширма, которая скрывает крепкую цепь сотканную их криминала и коррупции? Ну что ж, тогда она, Дана, и правда слабое звено в этой цепи, так как она твердо для себя решила не поддаваться ни на какие провокации, и может быть, медленно, но уверенно идти намеченным путем.

Миновав за считанные секунды лабиринт из лестниц и коридоров, Дана добралась до ректорского кабинета. Сосчитав до пяти, она твердой рукой постучала в дверь.

– Да, да – Послышался в ответ хриплый голос ректора, Эдуарда Михайловича.

Немедля Дана вошла в просторный, прохладный кабинет, так как жара на улице уже в конце мая стояла просто невыносимая, кондиционер был включен на полную мощность, спасая обитателя помещения от адского зноя.

– Здравствуйте, Эдуард Михайлович, Настя передала ваш приказ явиться срочно! – С напускной, веселой бравадой, отрапортировала Дана, устремив на ректора жесткий, требовательный взгляд, который совсем не сочетался с напускной беззаботностью тона.

Глава4 Эдуард Михайлович, был поджарым мужчиной, лет пятидесяти пяти, подтянутая выправка и широкий разлет плеч которого говорили о том, что этот человек на своем пути профессионального роста, прежде чем осесть в ректорском кресле, испытал на себе все прелести журналистской жизни. В свое время, он проводил репортажи из горячих точек всего земного шара. С помощью ужасающе опасных авантюр, благодаря его работам, была раскрыта масса, как криминальных, так и политических, преступлений. Да и в ректорское кресло его посадил не возраст и избыток славы, а подкачавшее здоровье, после жуткой автокатастрофы, в результате которой Эдуард Михайлович потерял жену и дочь, а сам больше полугода был прикован к больничной койке. Бывший журналист прекрасно понимал минимализм версии, которую установила в результате, следственная экспертиза, в заключении протокола о дорожно-транспортном происшествии, а именно, «дорожно-транспортное происшествие связанное с автоматическим отказом тормозов. Криминальных составляющих не обнаружено.»

Лишь только по истечению сорока двух дней, Эдуард Михайлович открыл глаза, наткнувшись взглядом на стерильной белизны потолок Центральной больницы Экстренной Терапии. Все это время он не приходил в себя, и местные эскулапы не делали никаких прогнозов относительно его состояния, как бы сестра Наташа, единственная из родственников, которая у него осталась, об этом их не спрашивала.

– На все воля Божья. – Отвечал ей лечащий врач Эдуарда, смущенно отводя глаза в сторону, от полного мольбы взгляда Натальи.

Наташа схоронила жену и дочь Эдика, они погибли на месте катастрофы. Брат же благодаря счастливому провидению остался жив. Каждую минуту, каждый миг женщина не переставала молиться Всевышнему, даруя в молитвах благодарность за жизнь брата и вымаливая ему здоровья. Вот уже больше месяца она сидит возле Эдика, прислушиваясь к его дыханию, следя за ним безмолвным взглядом с надеждой на то, что он очнется. В то же время она безумно боялась той минуты, когда Эдуард придет в себя. Вслед за вернувшимся сознанием к нему придет понимание, что в страшной катастрофе пострадала его семья. И как, Бога ради, она должна сообщить ему эту страшную весть? Как сказать, что его любимая жена Ирочка и обожаемая дочка Вера, уже больше месяца, покоятся в сырой земле городского кладбища? Весь кошмар понятия того, что брат не перенесет такой страшный удар судьбы, просто рвал сердце Наташи на части.

Еще раз растерев маленькими кулачками не перестающие бежать слезы по изможденному лицу, Наташа решила спуститься в больничный холл и выпить кофе из стоявшего там кофейного автомата. Последние дни, кофе был, пожалуй, единственным источником ее, уже подходящей к концу, энергии.

Картина, которую она застала спустя пол часа, ее ужаснула. Дверь в палату реанимационной, где лежал Эдуард, на распашку, снующие туда суда люди в белых халатах, жужащий гул возбужденных голосов персонала... Ноги у Натальи подкосились сами собой, липкая, плотная пелена застилая глаза прошлась волной по всему тела и поглотила сознание.

Очнулась она от едкого запаха нашатыря.

– Что же вы, Наталья Михайловна, пугаете нас? Мы к вам с радостной вестью, а вы в обморок. – Произнес врач Эдуарда, склонившись над Наташей. – Брат то ваш, в сознание пришел. Показатели все просто отличные. Думаю еще пару деньков и, с Божьей помощью, в общую терапию переведем!

С этого момента и началось длительное выздоровление Эдуарда Михайловича. Наташе, как она сильно не боялась, не пришлось извещать брата о его тяжелой потере. Первыми его словами сестре были

– Пусто у меня на душе, сестренка, значит нет больше моих девочек... Выпишут меня из этой преисподней, покажешь, где схоронила.

Ни слез, ни крика, ни ледящей душу скорби за этим не последовало, что еще больше напугало Наташу. Она хорошо знала своего брата, она в ту же минуту поняла, его нет, душа его мертва, она умерла вместе с ними, она как всегда со своей семьей, а здесь, рядом с ней, одна лишь оболочка, тело без души.

Спустя несколько месяцев Эдуарда выписали. Жить он переехал к сестре. Зайти в свою квартиру он отважился только через три года после смерти жены и дочери.

На некогда любимое, журналистское поприще, он тоже не вернулся. Как оказалось, теле-редакция, на которой он работал до трагедии, отправила его на пенсию, за выслугу, раньше времени. Редакции газет, студии телеканалов, которые еще полгода назад просто брали осадой смелого журналиста, с самыми невероятными и финансово подкованными предложениями о сотрудничестве, только разводили руками и отводя взгляд, обещали при первой надобности позвонить.

Лишь старый друг Эдуарда, одноклассник, а еще больше однокашник, так как большую часть своей жизни Эдик и Толик, прошли плечо об плечо, испробовав этой же ложкой, не столько сладкой каши, сколько горького дегтя. Этот же Анатолий Максимович, как стали теперь его величать, а именно, замдиректор телевизионной сети информационных каналов столичного телевидения, пролил свет, на его не востребованность.

– Слушай, Эдя, тут дело короче такое... Даже не знаю, как сказать. – Мямлил неуверенно, обычно бойкий полиглот, Толя.

– Толян, ты не мни, как есть, так и говори.

– Ты прав, излагаю суть. Короче, не последние люди, нашей столицы, просили тебе передать, чтоб дело ты свое не ворошил, и о старом ремесле забыл. Предостерегали, что несчастный случай, это как карма, может вернуться, и в следующий раз может и не случиться для тебя счастливого конца. – Уже еле слышно прошелестел Толя, не рискнув при этих словах взглянуть на товарища. Анатолий понимал, чем обернулся для его друга, этот так званный «счастливый конец», об котором его настоятельно просили предупредить Эдуарда, но то были не те люди, которым можно было что то объяснять, тех особ и людьми сложно было назвать...

– Счастливого конца? – С холодной яростью просвистел Эдуард. – Счастливого конца? Да я жену и дочь схоронил, а вы мне, твари, о счастливом конце? Да я сам в петлю давно уже полез бы, если бы совесть позволила оставить ненаказанными виноватых в их смерти. Чем меня еще запугивать? Мне больше незачем дорожить своей жизнью.

– Они и это предвидели, Эдя. Просили передать, что ты им больше не интересен. Свое внимание они теперь, дружище, сосредоточили на твоей сестре, Наташе. Сказали, что теперь ее благосостояние зависит только от тебя.

Рассказав все это другу, Анатолий весь поник, невооруженным взглядом было заметно, что он лишь принужденный участник всей этой баталии, вестник по приказу из «верхов».

– Мы оба знаем Эдя, чем все это могло закончиться. Я тебя не раз предупреждал. Ты меня извини, я знаю, что бью под дых, что ты уже дышишь через раз, из за чувства вины. Но ты всегда знал, что влез куда не надо. Я смог перебороть свои амбиции. Хотя я подозреваю, что иногда, ты полагал, что я продался. Возможно, в какой-то мере, это и так. Но не ради денег! Хотя и они есть, спорить не стану, а ради семьи. Чтоб моя жена и мои дети жили спокойно, чтоб возвращаясь домой я был уверен, что они целы и невредимы. Ты же всегда знал, что такой исход возможен, влезая в очередную авантюру. Знал, но надеялся, что минет. А не минуло! Всегда, Эдя, человек стоит перед выбором. Ты слишком идеалист, считая, что можно ничем не жертвовать с нашей работой. В нашей профессии либо семья, либо работа без семьи, иначе мы и наши близкие всегда будут ходить по лезвию ножа. Криминальные разборки, это тебе не сводка прогноза погоды. Тут с какой стороны не подойди, есть риск оказаться между молотом и наковальней. Нету в нашей системе никакой свободы слова. Есть только строгая цензура, по которой ты должен следовать, да так, Эдя, чтоб все массовое потребление принимало ее за чистую монету. А с Архиповым связаться? Да это иначе как самоубийством то и не назывешь? Как ты вообще надеялся выйти сухим из этой мокрой истории? Сколько таких горячих голов полягло, пытаясь нарыть на него материал? Да ладно... Что ж уже тут..– С горечью махнул Анатолий рукой.– Это пожалуй все, что я хотел тебе сказать, считаю имею полное на это право, я тебе это как друг говорю.

За весь монолог Анатолия, Эдуард не подал ни единого звука. Как не старался тот заглянуть ему в глаза, чтоб увидеть в них, что тот об этом всем думает, Эдик ни разу не поднял голову, опущенную на крепко сжатые в кулаки руки.

– Да, и еще, Эдя, я прошу тебя, позвони мне когда немного придешь в себя. Разговор есть. На данный момент мы оба к нему не готовы, так что ни о чем не спрашивай, а там кто его знает.

Эдуард молча встал, молча вышел из кабинета, в котором работал его товарищ. Слова, сказанные ему Толей, громкими колоколами били по висках. А горче всего, что его друг прав, прав во всем, прав в каждом сказанном слове.

Эдуард был очень амбициозен в профессиональном плане, шел всюду на провал, причем без приглашения. Все его статьи, все репортажи были сплошным вызовом для сильных мира сего. Его деятельность была беспринципной, и если его нюх профессионала улавливал запах сенсации, он плевал, кому он принадлежал, толи запахок исходил от городской мэрии, толи из нефтяной скважины родной страны тянуло, толи из оружейного склада государственного запаса. Неважно какой был душок, политический или с примесью криминала, Эдик был тут как тут, распутывал этот тугой клубок, причем чаще всего, не в пользу особ за всем этим стоявших, и пускал все это в средства массовой информации. Как известно, такие люди многим мешают. Так и он помешал господину Архипову, государственному чиновнику, который кроме руководящей должности имел, поражающую фантазию, прибыль от торговли на черном рынке. Именно за это дело, которое намеривался распутать Эдуард, заплатились жизнью его Ирочка и Вера. Именно сам Архипов, лично, отдал приказ, ликвидировать Эдуарда, устранить, как незаурядную помеху в безжалостном механизме.

Вот Эдуард и был устранен. Больше не было ни сенсаций, ни горячих репортажей, с его участием, его самого, как журналиста, больше не было. Спустя несколько месяцев, после их с Анатолием разговора, он ему позвонил, и тот услышав в его голосе поработанность и безысходность, предложил ему преподавательскую должность в одном из столичных университетов, на факультете журналистики. На протяжении тринадцати лет он читал лекции студентам «Теории и практики» делясь своими знаниями. Выпустил в свет не одну горячую голову, после чего

и занял этот кабинет и это кресло, а на столе стала красоваться платиновая табличка «Кораблев Эдуард Михайлович – проректор журналистского факультета».

Все эти годы он жил с одной единственной целью – отомстить Архипову за смерть своей семьи. Он дышал этой мыслью, жил только благодаря ей. Эдуард собрал полное досье на всю семью Архипова, после чего убедился, что пожалуй сам чиновник забросил свое незаконное дело, предпочтя зарабатывать деньги с помощью семейного, гостиничного бизнеса, который давал не менее приличный доход, чем торговля на черном рынке. А вот его младшенький, его сынок, пошел по стопам отца, и как подозревал Кораблев, не без поддержки главы семейства.

И вот, Бог услышал его молитвы, послав ему эту девушку. Она за полгода сделала то, что сам Эдуард пытался сделать уже более, как пятнадцать лет. С ее помощью он расквитается с Архиповым. Так же, как он расквитался с ним. Он отберет у него семью, он отнимет у него горячо любимого сына.

Глава 5

– Ты, Дана, садись. – Предложил ректор указывая на оббитое кремовой кожей кресло. – В ногах правды нет. А разговор у меня к тебе основательный. – Задумчиво протянул ректор, блуждая взглядом по панораме маленького парка, которую открывал вид из широкого, на всю стену, окна.

Дане не понравился этот рассеянный вид ее наставника. Вся срочность, с которой староста вызывала ее в это кабинет, никак не вязалась с расслабленным, можно сказать, даже ленивым состоянием Эдуарда Михайловича. Нервно теребя пальцами рук ремешок сумочки, девушка продолжала молча смотреть на своего ректора, выжидая, когда же тот соберется с мыслями и начнет «основательный разговор». Ее ожидания увенчались успехом, секундой спустя, апатичный взгляд Кораблева прояснился и не теряя даром времени Эдуард Михайлович обратился к Дане

– Дана, как ты уже наверное догадалась, речь пойдет о твоём докладе. У меня нет ни желания, ни времени ходить вокруг да около, поэтому перейду сразу к делу. Твоя курсовая работа – это нечто! Я до сих пор под впечатлением! Перечитав ее еще раз, мне в голову пришла идея. Видишь ли, на следующей неделе, у нас в университете намечен слет ректората, со всего С. Н. Г. Не кривя душой, отмечу, что соберутся все мировые представители журналистской и репортерской сферы. И вот, что я надумал... – Уже более задумчиво протянул Кораблев. – Даже не подумал, а решил, что вы, Дана Станиславовна, примете самое непосредственное участие в этом консилиуме, а именно, зачитаете мне и моим иностранным коллегам свою курсовую работу. И не просто зачитаете, а сделаете полный анализ всей схемы, которую вы применили работая над ней. Вы меня понимаете, деточка?

Дана понимала, она прекрасно все понимала. Понимала то, что силы потрачены не зря, понимала, что она сделала гигантский шаг к своей мечте. Понимала, что возможно, в эту самую минуту решается ее будущее. Так же она понимала, что пуская в ход свою роботу, своего рода, замедленную бомбу, она отрывает от себя большую часть своей души, которая была не подвластна голосу здравого смысла.

Заметив на лице своей студентки выражение, так знакомое ему самому эйфории, Эдуард Михайлович продолжил.

– Ты должна понимать, Дана, что тебе предоставляется возможность, которая откроет перед тобой, можно сказать, окно в Америку, ну или другие, не менее продуктивные страны. Я уверен, что если ты своей работой произведешь на моих коллег такое же впечатление как на меня, я сумею договориться о твоей будущей стажировке за границей.

После этих возвышенных слов, Кораблев, с видом триумфатора, снова обратился к Дане, сидящей ни живой, ни мертвой, в просторном, кожаном кресле, прямо напротив ректора.

– Ну? – уже с довольной улыбкой спросил Данин покровитель. – Что скажете на все это, Дана Станиславовна?

Дане хотелось сказать очень многое, но состояние, хотя и приятного, но шока, не отпускало ее. Спустя мгновение, девушке все же удалось взять себя в руки и ответить Эдуарду Михайловичу уверенным и твердым голосом, который ни одним оттенком, не передал ректору всех тех волнений, которые ее одолевали изнутри.

– Думаю, Эдуард Михайлович, сказать тут можно лишь одно, спасибо за предоставленную возможность и оказанное доверие. Я же в свою очередь, приложу все силы, что бы не подвести ни вас, ни себя.

– Рад слышать, Даночка. А теперь можешь идти, тебе предстоит нелегкие дни. – Напутствовал ректор Дану, сопровождая свои слова теплой, отцовской улыбкой.

– Спасибо, Эдуард Михайлович, всего доброго. – Попрощалась Дана с ректором, поднимаясь с кресла и собираясь уже уйти.

– Дана? – Обратился Кораблев полностью изменившимся тоном. – Девочка моя, послушай, я хочу еще сказать тебе пару слов, не как твой учитель, а как сказал бы твой отец. Деточка, ты очень талантлива. У тебя есть все, что нужно для блестящей карьеры. Хватка, ум, непробиваемость и железная сила воли. Хочу сказать, ты сразила меня всеми этими качествами, так редко присущими у женщин. Но помимо этих сторон, у тебя еще есть щедро дарованная природой черта, это твоя красота и доброе, гордое сердце. У тебя есть, деточка, два пути. Один в профессиональном плане, а второй, встретить родного человека, создать вместе крепкую семью, родить и вырастить детишек. Реализовать себя как женщину. Возможно это и есть самое нужное счастье в жизни. А все остальное лишь миражи, преследуя которые люди и гибнут.

Пораженная этой вспышкой откровения, Дана так и замерла на полпути к двери. Как же он близок к истине? Как же он ловко тронул еще не затянувшуюся рану? Как же можно заглушить эту боль, которая разрывает внутренности, ломает ребра, не давая ни единого шанса на выздоровление, если каждый человек ей станет напоминать, что на самом деле в этой жизни важно, что надо свято и бережно хранить. Вот только, к сожалению, не в ее случае, у нее он безнадежный. Посмотрев на ректора полным тоски взглядом, она почти шепотом его спросила.

– Но почему вы думаете, что я не сумею реализовать себя в двух направлениях? От взгляда, который поднял на нее этот несомненно, сильный мужчина, у Даны все внутри похолодело. В нем было столько боли, столько безграничной скорби, что кожа молодой девушки покрылась мурашками. Запустив пальцы в свою все еще, густую, но уже полностью седую, шевелюру, он с глубоким вздохом ответил.

– Я не думаю, Даночка, я знаю. И к сожалению, из личного опыта. Такие люди, как мы с вами, деточка, не умеют совмещать все и по немножку. Такие как мы, выбирают один путь в жизни, и идут по нему на пролом, сметая все на своем пути. А все остальное, остается как бы по сторонам, где мы находим для себя уютный оазис для передышки, после чего продолжаем следовать к своей цели, гонимые своими идеалами, принципами, которые словно миражи, разбиваются о жестокие реалии жизни.

Дана прекрасно понимала, что это ей говорил не учитель, и тем более не профессионал, с ней говорила душа, уставшая, изможденная, полна горечи и скорби душа. Но так присущий в этом возрасте юношеский максимализм не укоренил в сердце девушки семена разумного совета, списав все на человеческую карму. Объясняя это так своему внутреннему голосу, который все-таки пробивался, где то глубоко внутри, отзываясь ноющей болью в сердце, но она не могла отступить. Не имела права.

Эдуард Михайлович видел, что его слова произвели на девушку сильное впечатление, но должного результата все-таки не последовало. Ну что же, другого результата он и не ожидал. И не смотря на то, что на душе у него скребли кошки, так как он прекрасно понимал, что как бы он этой девушке не помог в профессиональном плане, не считая даже того, что он твердо

намеривался устроить ей дальнейшее развитие в одном из заграничных вузов, факт оставался фактом, он использовал Дану в своих целях. С ее помощью он собирался поквитаться со своими старыми врагами. Он посчитал своим долгом дать ей шанс на отступление, объяснив, что она может потерять в жизни в погоне за славой. Он бы не простил себя, если бы не провел эту родительскую беседу со своей студенткой, так как из ее личного дела, он узнал, что Дана росла без отца, а воспитанием девочки занималась только мать, хотя стоит заметить, что справилась она с этим заданием просто блестяще.

Когда он закрывал глаза и пытался себе представить, какой бы выросла его Верочка, его любимая доченька, перед его глазами возникал образ Даны. Он был просто уверен, что его дочь с годами превратилась бы в такую же красивую, гордую и не по годам мудрую, молодую женщину, какой являлась Дана.

– Даночка, ты взрослая, умная девушка. И я уверен, что какое бы ты не приняла решение, ты сделаешь все так, что оно окажется правильным. Ну а я со своей стороны, чем смогу, тем помогу. А теперь, доченька, беги, у нас у обоих дел в не поворот.

– Спасибо, Эдуард Михайлович! – Горячо поблагодарила Дана ректора. – Вы даже не представляете, как много для меня значит ваша поддержка. – Продолжала она в сердцах пожимая теплую, сильную руку этого прекрасного человека – Я вам обещаю лишь одно, со мной будет все в порядке. И вам никогда не придется пожалеть о оказанном мне доверии. А теперь я и правда побегу, еще раз спасибо и всего доброго. – Уже весело прошептала девушка и ветерком скрылась за дверь. Эдуард Михайлович с горькой улыбкой покачал головой, провожая Дану взглядом. Шестое чувство проженного журналиста, которое так и не притупилось с годами, подсказывало ему, что этой молодой, уверенной в себе женщине, много предстоит в жизни. Но почему то он был уверен, что она справится со всем тем, с чем в свое время не справился он. Ни на долю секунды его не обманул хрупкий внешний вид девушки. Он четко видел железную, негибаемую волю, которой под силу все. И он абсолютно не будет удивлен, что Крупецкая Дана Станиславовна поставит на ноги всю сферу журналистики, еще до окончания университета, а он ей в этом поможет. Они вместе уничтожат Архипова. Ей слава, учеба за границей и, возможно даже работа по окончании вуза, а ему такое долгожданное успокоение, его девочки будут отомщены.

Глава 6

Дана пулей мчалась по лестничному лабиринту университета, не замечая вокруг ни студентов, ни своей подруги и соседки по квартире, Аленки. В ее голове, уже как хорошо отлаженный, часовой механизм, тикая, созревала план дальнейших действий. Она столько дней и ночей, корпела над своей курсовой, что та была просто идеальной и не требовала, ни проработок, ни корректировки, перед подачей заграничным гостям. А вот, что делать с самой схемой ее разработки, Дана не знала.

Не могла же она рассказать всем этим людям, что для написания своей курсовой, она пустилась в довольно опасную авантюру, которая, если не закончилась полным провалом в репродуктивном плане, то разбитым сердцем, уж точно.

Тема, над которой предстояло работать Дана, была насколько глобальной, поражающая своими масштабами все уголки земного шара, настолько была, в тоже время, избитой и монотонной на журналистском поприсе. А именно, «Наркотики, как составляющая часть социума». Тема, бесспорно, важная в наше время, требующая к себе непосредственного внимания, тема, о которой можно говорить и писать часами, и которая в своей сути очень актуальна. Но... Дана, не хотела повторяться, она не хотела идти уже по вспаханной почве.

После долгих раздумий у нее в голове созрел дерзкий план, который она еще не знала, как воплотить в реальность.

Дана, не смотря, на всю свою серьезность и полную отдачу себя любимому делу, была еще той чертовкой. Она любила своих друзей, любила свою молодость и не упускала возможности наслаждаться студенческими годами сполна, а они, как всем известно, самое лучшее, что случается в жизни человека. Дана ходила с друзьями в различные турпоходы, включающие в себя посиделки у костра, песни под гитару. Дана посещала различные, увеселительные заведения, побывала не в одном пабе и была заядливой танцовщицей местных ночных клубов. Она очень любила танцевать, ставая в центре просторного танцпола, исперещенного сотнями неоновых лучей, она полностью отдавалась музыке, ей казалось, что с каждым движением из нее выходит весь негатив, вся не так физическая, как моральная усталость. И если большинство ее сверстников пыталось себя разгрузить с помощью чудовищно больших доз алкоголя, то Дана это делала это с помощью музыки. Именно в один из походов в очередной ночной клуб, Дана стала замечать, что владельцы заведений черпают свои колоссальные доходы, не только за предоставление своим посетителям увеселительных услуг. В подобных учреждениях процветал хорошо организованный и налаженный черный рынок, а именно, торговля наркотическими средствами. Цепкий глаз девушки вылавливал из толпы отдыхающих, десятки человек, как достигших восемнадцати лет, так и совсем юных лиц, скорее всего, пришедших сюда прямо из за школьных парт, находящихся под сильным действием наркотического опьянения. Профессиональный инстинкт Даны мгновенно сработал, отложив это наблюдение в фотографической памяти девушки. Спустя время, когда она начала работать над курсовой, это наблюдение и толкнуло ее на шальную мысль, которую Дана и воплотила в реальность.

Дана решила, что ее трудовой тракт будет кардинально отличаться от работ ее сокурсников и предыдущих студентов. Так, что вместо посещения университетской библиотеки, и поисков в ней материала, о пагубном воздействии наркотиков на социальную среду, она направилась в один из самых популярных клубов в столице, где начала свое маленькое, независимое, журналистское расследование. Она, конечно, понимала всю серьезность и опасность всего замысла, но взвесив все за и против, решила все же рискнуть. Если бы она только знала, чем это все для нее обернется.

Глава 7

Дана основательно подготовилась к данной вылазке, боевой раскрас, как она называла смелый макияж, который еще больше подчеркивал и так сногшибательные глаза, ярко-алая помада, так и приковывающая взгляды к пухлым, красиво очерченным губам, волосы искусно зачесаны назад и подхвачены с обеих сторон серебристыми гребнями, свободно струились по плечам и подчеркивали утонченные, высокие скулы девушки. Довершало этот образ маленькое, черное платье, с глубоким декольте, которое позволяло любоваться красивой, высокой грудью, и туфли на тонких, высоких каблуках, с помощью которых Дана выглядела еще более тонкой и изящной. Одним словом, сегодня мимо Даны просто пройти было не возможно, доказательством этому были множественные знаки внимания, которые посыпались на нее, едва она успела пересечь просторный зал клуба и расположиться в центре, у бар-стойки.

Витрина бара богато пестрела яркими этикетками бутылок на любой вкус и кошелек, от простой столичной водки, дешевой на столько, на сколько могла быть дешевой в этом заведении, до известных по всему миру марок коньяков, вин, виски, бренди и всего прочего, стоимость которых соответствовала стоимости довольно приличной квартиры.

Дана твердым взглядом обвела покрытый мраком, еще полупустой зал, выясняя, какое впечатление своим появлением произвела она на собравшихся, немногочисленных гостей. На кануне она подробно расспросила среди своих знакомых студентов, которые являлись постоянными обитателями, этого такого популярного среди молодежи, ночного клуба, которые и посветили Дану в довольно пикантные подробности внутренней жизни данного заведения. Как оказалось, клуб принадлежал младшему сыну, известного политика и весьма успешного бизнесмена, владеющего крупной сетью гостиничного бизнеса, как, по всей Украине, так и за ее пределами, который конечно же не был засвидетельствован ни в одной декларации о доходах. Так вот, именно он, щедрый отец семейства, Архипов Виктор Александрович, сделал своему отпрыску на двадцати пятилетие, такой поистине царский подарок. Сам же именинник, получив такой шикарный дар, был ярким представителем рожденного в норковых пеленках ребенка. С колыбели получая все, на что только хватало фантазии, и даже больше, он так и не смог в полной мере оценить широкий жест своего родителя, прикрепив его в довольно обширный список исполненных его капризов. Из разбалованного, не знавшем ни в чем меры, ребенка, он вырос в циничного эгоиста, который благодаря своей жестокости и не совсем законным приоритетам в видении своего бизнеса прославился на весь Киев. Его знали и боялись все в городе, и даже самые известные, местные авторитеты, которые в свое время прошли лихие девяностые, старались не переходить ему дорогу и держаться по дальше от его дел. Это был мерзавец, который вращался в криминальных кругах и чувствовал себя в них, как рыба в воде. Но вот тут, Дане, все же удалось выудить на свет Божий, довольно интересную информацию об этом отморожке. Как оказалось, Антон Архипов, был большим ценителем женской красоты, и в глазах своих дам, он всегда представлялся галантным кавалером, который одаривал своих избранниц как лаской, так и шелестящей купюрой. На это, Дана и сделала основную ставку. Обдумывая свой план действий, Дана сначала намеревалась влиться в круги золотой молодежи и выдать себя за очередного потребителя стоящего в очереди за своей порцией кайфа, но потом все же призналась себе в том, что ее план изначально обречен на провал. Что бы его осуществить, во первых, нужны средства, причем не маленькие, какими, конечно же, она не располагала, а во вторых, она меньше всего была похожа на без принципиальную наркоманку, что тоже не мало важно для удачного конца всего этого бал карнавала. При острой необходимости, она бы, конечно, сумела бы разыграть нужный спектакль, так как природа наградила ее и таким талантом. Еще в детстве она посещала кружок актерского мастерства, неоднократно брала участие в разных постановках, и даже по окончанию школы, была приглашена на бюджетное место столичной Академии Театрального Искусства, но Дана отказалась. Отказалась не смотря на многочисленные и слезные мольбы матери, которая уже видела в своей дочке известную актрису. Она играла на сцене очень хорошо, но она не жила этой игрой. Многогран-

ной сути Даны было мало места на сцене и за ее кулисами, она могла быть собой лишь в чем то настоящем, а здесь игра, замыливание глаз, одним словом вымышленная ложь, в которой она не хотела участвовать, как бы у нее это хорошо не получалось.

Поэтому надо было искать другой вариант, как провести расследование, так нужное ей для написания своего доклада. Не привыкшая опускать руки при первых же трудностях, Дана всюду искала зацепки, которые могли бы ей помочь прийти к намеченной цели. И вот, разговарившись однажды, со своей однокурсницей, Наташей, первой тусовщицей ночной жизни, Дана и раздобыла эту интереснейшую новость. Еще ей удалось узнать от Наташки, что и сам Антон, и вся его, так званная, приближенная свита собираются каждую пятницу в его клубе, где играют в карты на деньги, после чего по полной оттягиваются, уже непосредственно, в самом клубе.

В следствии долгих раздумий, как лучше использовать для себя эти сведения о молодом мажоре, Дана решила, что есть только один вариант, а именно, познакомиться с Антоном. Она знала, что достаточно симпатична, по мнению противоположного пола, даже красива, девушка больше страдала от избытка мужского внимания, чем от его отсутствия, так почему она должна исключать вариант, что и этот, новоявленный, не то бизнесмен, не то криминальный авторитет, не может ею заинтересоваться?

В полу мраке зала, в более отдаленных от центра, уголках, укомплектованных мягкими диванчиками, креслами и стульями, уже отдыхали небольшие группки посетителей. Но того, кто был нужен Данае, не наблюдалось.

– Девушка, здравствуйте, добро пожаловать в «Багрянец», я могу вам что то предложить, или вы кого то ожидаете? – Оторвал Дану приятный, мужской голос от изучения отдыхающих. К ней обращался бармен, молодой, симпатичный, с развитой мускулатурой парень, широкие плечи которого были облачены в фирменную униформу.

– «Да, здесь и бармен больше похож на отпетого братка». – Мелькнуло у Даны в голове. При этом она одарила парня широкой, белозубой улыбкой, и с придыханием ответила.

– Нет, не жду, я вообще никогда никого не жду.

Поймав на себе восхищенный взгляд бармена, Дана почувствовала себя более уверенной и томно протянула.

– И предлагать мне, что то, не надо. Я всегда, знаю, чего хочу. Так что, плесни ка мне виски, и лед не забудь.

Улыбка на лице молодчика немного потускнела, от резкого ответа Даны. Ее цель была птица более высокого полета, так что она сразу дала понять парню, что не по Сеньке шапка, пусть закатает губу. Бармен проворно отмерял порцию отменного вискаря, перелил его в красивый, с золотой огранкой стакан, с кубиками прозрачного льда и молча придвинул его к Данае, но наблюдать за ней все же не перестал, бросая на девушку откровенные взгляды.

Дана поднесла к губам прохладный напиток, но виски еле пригубила, играя в руках стаканом она задумчиво разглядывала на нем яркий, алый отпечаток от ее губ. Все шло не так! Пятница, вечер, а хозяина клуба нет! А может он просто заигрался со своими друзьями в карты, Дана слышала, что эта азартная игра здорово затягивает и может затягиваться на очень долгое время. А что если он сегодня вообще не придет, что если сегодня этот традиционный мальчишник был отменен по каким- то причинам? Или этот, Антон, вообще сейчас улетел на какие- то острова с очередной красоткой, он мог себе позволить это по первому капризу. Или же он сейчас где то на деловой встрече, или стрелке, или как они там называют свою не совсем законную деятельность. А она? На планировала, дура, сидит тут, ждет, с моря погоды. Что тогда?

«Так, Дана, успокойся и возьми себя в руки!» – Молча приказала себе девушка — «Будем решать проблемы по мере их поступления. В конце концов, еще совсем рано, что бы бить тревогу, вечер только начинается.»

В ходе своих размышлений, Дана, почувствовала на себе тяжелый, пронизательный взгляд. Ее кто то внимательно рассматривал, но кто? Медленно обведя, из под опущенных рес-

ниц, зал ночного клуба, она наткнулась взглядом на пару ярких глаз, цвет которых она не могла различить на таком расстоянии, с интересом ее разглядывающих. За столиком, в самом углу, расположилось четверо молодых людей. По раскрепощенному и уверенному виду мужчин, Дана смогла определить, что это не просто компания желающих оторваться в ночном клубе, совсем не тот стиль поведения. Эти чувствовали себя свободно, можно сказать, чуть лениво, одним словом, как у себя дома!

«Неужели это то, что мне нужно?» – Обрадовалась Дана, посмотрев прямо в глаза молодому мужчине, который так и не оторвал от нее взгляда, не смотря на то, что его интерес был обнаружен девушкой. Это был парень лет двадцати пяти – двадцати восьми, с красивой внешностью, это угадывалось даже через разделяющее их расстояние, одет в белую футболку, которая, словно вторая кожа, облегла его мощный торс. Мужчина полу сидел, полу лежал на мягком диванчике, прямо по центру небольшого стола и потягивал янтарную жидкость из массивного стакана. При этом ни на секунду не прерывая наблюдать за Даной, от чего у той по спине пробежали электрические разряды. На мгновение, Дана, запаниковала, ей стало по настоящему страшно от этого жесткого, немигающего взгляда, который, как лазер, просвечивал ее насквозь. Но она не привыкла отступать, и силой воли подавив нарастающую панику, подняла глаза на мужчину. Пара спокойных, зеленых глаз встретилась с парой темных, как ночь, глаз. Несколько секунд девушка смотрела Антону в глаза не мигая, спустя время обвела взглядом мужчину с ног до головы, и как бы не найдя ничего стоящего своего внимание, принялась за изучение интерьера клуба, потягивая медленными глотками свой напиток.

Дана прекрасно понимала, что более быстрый результат принес бы томный взгляд, заискивающая улыбка и те многие фокусы, которые применяли девушки желающие обратить на себя внимание. Но ей этого было мало! Категорически мало! Дане не нужно знакомство на один вечер или ночь! Ей нужна власть над этим человеком! Но власть не физическая, а та власть, которую может иметь над мужчиной, только женщина. А этой цели она никак не добьется флиртом, которым пользуются дешевые девицы. Чтоб удержать внимание такого человека как это Архипов, считавшем себя лидером уже по праву рождения, нужно другое оружие, а именно, недоступность и неприступность, вот такими качествами его интерес гарантирован. И Дана не ошиблась.

Глава 9

Антон не изменил своей привычке отдыхать со своими друзьями по пятницам в своем клубе и сегодня. Настроение как то не сладилось с самого утра. Сорвалась давно уже намеченная сделка по транше в Среднюю Азию сильных психотропных препаратов, которые их местная молодежь использовала, как более дешевый наркотик. Так называемые партнеры, нашли более близких и дешевых поставщиков. В следствии обвала этой операции, Антон не только потерял порядком около пол миллиона долларов, но еще и попал на четверть этой суммы. Товар был уже заказан и доставлен ему в полном объеме, а его поставщики ясно дали понять, что возврата не будет и деньги за товар нужны в заранее обговоренные сроки. Конечно, Антон мог запросто их кинуть, хотя и там стояли довольно серьезные люди, но ему и это было бы под силу. Вот только жалко было терять такого надежного поставщика. Проблем никогда не было, ни с товаром, ни с его количеством, ни со временем поставки, что больше всего и устраивало Антона. Один звонок, и самое большое через сутки у него на руках заказ, причем в любом объеме. Именно поэтому он и решил не обрывать свое сотрудничество с ними, а долг перекрыть своими деньгами. Ну, а товар и здесь реализуют, правда времени это займет не двое суток, как он рассчитывал изначально, а месяц, а может и того больше, да и зазор намного скромнее будет, но ничего, он и не такое разруливал.

Но и на этом его неприятности в этот день не закончились. Ближе к обеду поступил звонок от отца.

– Здравствуй, сына. У меня к тебе разговор. Буду краток и надеюсь ты меня поймешь с первого раза и мы к нему не будем больше возвращаться.

– Да, пап, говори, что там у тебя?

– Короче, Антон, в школах наши дела на время подвязать надо.

– Не понял. А в чем проблема?

– Да тут на днях сынок местного магната с дозой перебрал. Школа как раз на нашем участке. Там и мигалки, и реанимация, еле вытянули пацана. Шум поднялся, я тебе говорю. Папаша его весь Киев на уши поставил. Связи у него есть. Людей толковых знает. Я тут тоже кое с кем переговорил. Все сошлись на том, что с учебными заведениями надо немного подвязать. Пусть поутихнет все, забудется, а там видно будет.

– Я тебя понял пап.

– Это, сынок, конечно ударит нам по карману, но выхода нет. Может развязаться серьезный конфликт, так что, лучше худой мир, чем хорошая война, как говорится.

Не переживай, папа, я сейчас же звоню и даю отбой всей реализации по учебке.

– Хорошо, Антон. А у тебя как там, все нормально?

– Да не очень, сделка с Малой Азией сорвалась.

– Это не очень то радует, наверное ты что то упустил, раз покупатель сорвался в последнюю минуту.

– Да все я правильно делал, работал чисто по твоей смете, если ты на это намекаешь, наценки больше не делал. Они нашли поставщика по ближе. Вот и все пироги.

– Ну ладно, нет этих будут другие. Давай сынок, отбой, тебе надо решать пока другой вопрос. Пока.

– Пока пап. – Попрощался Антон уже с сухими гудками в трубке.

– Черт, черт, твою ж мать. – Чертыхаясь бил Антон кулаком по столу из красного дерева, от ударов на котором синхронно подпрыгивали все предметы лежавшие на нем. – Только этого не хватало! Нервной походкой он подошел к бару, расположенном в глухой стене кабинета, который находился в цокольном этаже его клуба, вынул из него бутылку водки и дрожащей рукой налил полный стакан, который был предназначен для более благородных напитков.

Выпив залпом все содержимое налитого, Антон почувствовал горячее, жидкое тепло по всем теле. Напряжение по не многу стало отпускать. Глубоко вздохнув, Антон, вытянул из кармана мобильный телефон и повертев его в руках, словно взвешивая все за и против, все же нажал кнопку вызова.

– Серега, ты где? Давай ездай ко мне, разговор есть.

Присев в кресло Антон задумался. Да! Неделька выдалась еще та! Еще и с Лизой проблемы. Эта припадочная побрякушка возомнила себе, что прибрала его к своим рукам. Ворвалась вчера к нему, без звонка, начала размахивать ему перед носом тестом на беременность, на котором четко выделялись две ярко-красные полоски, и добила его еще более идиотским вопросом.

– Антон, любимый, у нас будет ребенок. Ты рад? Когда сыграем свадьбу? Ты же не хочешь, чтоб твой отпрыск родился в незаконной связи?

Сказать, что Антон, потерял дар речи, это ничего не сказать. У него и в мыслях не было заводить семью. Да и зачем ему это? У него все и так есть. Деньги, власть и все привилегии, которые эти составляющие могли предложить. Ему нравится способ жизни которую он ведет. А семья, тем более дети, в это вообще никак не вписываются. Возможно, когда не будь позже, когда он решит, что все, что ему нужно было сделать, он уже сделал, и что можно уже заняться уже более спокойной деятельностью, что бы поддерживать уже имеющийся капитал. Тогда да! Можно и жену, и детей, но не сейчас, и уж точно не с Лизой. Да и не обещал, Антон, ей ничего. Сразу дал понять, что отношения у них, больше даже деловые, нежели романтические. Она ему- тело, для отличного секса, он ей достойную оплату, за так сказать, оказанные услуги. Вот и квартиру ей снимает в центре города, и меха с разными цацками покупает, и на острова пару раз свозил, а этой стерве все мало, ей замуж за него подавай, чтоб все и сразу! Нет, это надо прекращать.

– А с чего ты, детка, вообще себе вообразила, что мне нужна жена, и тем более отпрыск. Я заводил с тобой об этом разговор? – Жестким голосом, в котором сквозила сталь, спросил Антон Лизу.

Лиза замолчала на полу слове. Она испугалась не на шутку, когда полный злости голос Антона вырвал ее из той эйфории, которую она уже себе на придумывала. Подняв на него глаза, она вся похолодела еще больше. Уж очень хорошо она изучила своего партнера. И уже окончательно поняла, что ничего хорошего ей не светит. Крепко сжатые губы Антона, суженные глаза и ходившие ходуном скулы, сказали ей о том, что она перешла черту, за которую ходу не было никому, ни ей, никому либо еще.

– Если ты, вздумала прибрать меня к своим рукам, и все то, что ко мне прилагается, то ты не учла одну очень важную вещь. Я не сентиментальный юнец и не галантный кавалер, который из чувства долга обязан жениться. Так что, детка, я понятия не имею, как ты, такой дешевой уловкой пыталась меня охомутать?

– Антоша, но ведь я думала ты меня любишь. – Поднимая полные слез глаза на него лепетала растерянная Лиза. – Я думала ты обрадуешься, что у нас будет ребенок. – Еще пуще заревела Лиза, при этом шумно всхлипнув в носовой платок. – А ты меня совсем не любишь, раз жениться не хочешь.

– Любишь? Любишь? Кого? Тебя? – Понесло взбешенного Антона. – А что ты собой представляешь, чтоб тебя можно было любить? Что ты можешь мне предложить, кроме пары сисек, сделанных на мои же деньги? Да с тобой же и поговорить не о чем! Какая с тебя жена и мать? Ты же кроме как задницей вертеть ничего больше не умеешь!

Антон был в ярости. И Лиза за год знакомства с ним, пожалуй, еще не видела его в таком гневе. Он метался по кабинете, как раненый зверь. Глаза метали молнии. Но она не могла так просто упустит такой шанс. Лиза прекрасно понимала, что другой возможности выхватить счастливый билет у жизни может и не предо ставится. Так что, ее совсем не смущала, ни ярость

Антон, ни его категорический отказ на ней жениться, подумаешь, не хочет он, есть и другие способы всю жизнь выкачивать с него деньги, которым она не побрезгует воспользоваться.

В один миг из перепуганной, несчастной девушки, с разбитым сердцем, она превратилась в злобную ведьму. Подтерев рукой слезы и поправив растрепавшиеся волосы, она заговорила совсем уже другим голосом.

– Не нужен тебе ребенок, и не надо. Но он будет! – Прокричала девушка зло Антону в лицо. – Я так решила! Убивать его я не стану, можешь даже не пробовать на меня давить. И обеспечивать его тебе тоже придется, независимо хочешь ты этого или нет. Я хочу обеспечить своему ребенку достойную жизнь, и в этом ты мне поможешь, уж будь уверен. – Кричала Лиза направляясь к двери. Обернувшись, на пол пути, добавила. – Да, и кстати, я сегодня письмецо написала, в двух экземплярах, одно, твоему папаше, другое, твоей маме, сообщая в нем радостную весть о будущем внуке, которое им отправят, если со мной, что то случиться.

– Лиза, ты зарываешься, тебе не кажется? – Угрожающим голосом спросил еще больше помрачневший Антон.

– Не надо мне угрожать, Антон. В этот раз я себя обезопасила. Тебе придется играть по моим правилам.

– Я бы на твоём месте не был в этом так уверен.

– Я уже сказала, что в случае непредвиденного, несчастного случая со мной, твои родители узнают, что вместе со мной, ты погубил своего не рожденного ребенка и их внука. А ты сам знаешь, что для них значит семья. Они никогда не простят тебя. Так, что подумай, любимый, может не так мы тебе и не нужны? – Поглаживая руками, пока еще плоский живот, сладким, приторным голосом ворковала Лиза. – До встречи! – Причмокнув губами воздух, попрощалась Лиза и скрылась за дверь.

– Вот тварь. – Громыхал Антон. – Пришить тебя, и дело с концом.

Но Антон этого не сделает, и не потому, что он якобы боится, что его родители обо всем узнают из какого-то мифического письма. Просто у него есть правила и принципы, и одно из них это то, что он никогда не бьет, и тем более, не убивает женщин. Поэтому, надо решать вопрос по другому.

Из раздумий его выдернул голос Сереги, это был отмороженный тип, который за звонкую монету, и мать родную готовый был продать. Для этого его Антон и держал рядом, такие люди, в таком деле как у него, на вес золота.

– Серега, дело есть. – потирая лоб, обратился он к своему то ли товарищу, то ли подчиненному. – Даже не одно.

– Говори Антон, слушаю.

– Отзови всех реализаторов из школьных заведений. Надо упасть на дно на пару месяцев. К делу относятся только школы и лицеи. Узы, институты, и все, что по старше, пусть функционируют дальше на полную катушку. Постоянным клиентам товар поставлять только на нейтральной зоне и только во второй половине дня. Я не могу связаться с Валерой, он улетел на пару дней, поэтому дело поручаю тебе. Все ясно?

– Абсолютно ясно. – Ответил Сергей, не задавая никаких вопросов, что еще больше утвердило Антона в мнении, что это правильный человек в его команде.

– И второе. – Остановил Антон Сергея, который уже направился на выход.

– Да, точно, ты ж сказал, что дела два. – Тупо засмеялся Серега.

– Это уже, личное. Касается Лизы. Короче, она беременна. Мне это не нужно, она уперлась. Надо решить этот вопрос. Работает Лиза на Университете, в фитнес центре, «Оригано», мастером в женской группе. Подробнее узнаешь там, я как то не очень интересовался ее досугом. Вопрос решать только на ее рабочем месте, чтоб по больше свидетелей. И без насилия там! – Повысив голос уточнил Антон, своему кровожадному исполнителю. – Чтоб все тихо

и спокойно. Чтоб даже она не догадалась, что это не случайность. Найди толкового врача, пусть даст какие-то таблетки, или что там надо... Короче, сам знаешь, не мне тебя учить.

– Хорошо, Антон, я все понял, все будет сделано, не парься по этому поводу. Проверну все так, что комар носа не подточит.

– Давай тогда, до вечера, в пять, как всегда.

Вечером, они все собрались, как и всегда, только Валера, пожалуй единственный человек, которого Антон и правда мог назвать другом, среди собравшихся, отсутствовал, он улетел отдыхать за границу с очередной своей пассией.

Настроение было ни к черту, тело и мозги требовали разрядки. Он собрался провести вечер пятницы как всегда, отдохнуть с друзьями, а именно, Серегой, исполнителем самых нечистых и жестких заданий, Тохой – виртуальным айтишником, который при желании, мог бы сломать коды и пароли самого Пентагона, Дена – известного вышибалы, от взгляда на которого и у самого Антона, иногда дрожали поджилки. Ден представлял собой сплошную грудку мышц, которые сопровождался лицом, вдоль и поперек исперещенного шрамами, из которых самый жуткий, тянулся, практически, от виска до левого уголка кривого рта, и создавал этим неизглядимое, мрачное представление. Как всегда они поиграли в карты, проиграв друг другу довольно приличные суммы. Сегодня на игре были только они, у Антона не было настроения приглашать чужих, как он всегда делал, чтоб разнообразить вечер и обострить азарт. После несколько скучных партий, они направились в зал ночного клуба и расположились за своим любимым столиком, в углу, откуда весь зал был, как на ладони.

Ни игра, ни друзья, ни алкоголь, не помогли Антону снять, державшее его весь день, напряжение. Настроение ухудшалось с каждой минутой. Ему даже пришла в голову мысль, а не воспользоваться ему своей же услугой, которую он так щедро предлагает своим клиентам. Антон хоть и вел бизнес по распространению различных наркотических средств, сам наркотиков не употреблял. Он конечно пробовал легкие эйфорические препараты, хотя случалось это крайне редко, а к тяжелым наркотикам относился вообще категорически, сам их не принимал, и людям своим не позволял. Если же в своей среде он все-таки обнаруживал кайфовщиков, то те были немедленно устранены из его клуба и дела, по его же приказу.

Лениво потягивая бренди, из стакана, его взгляд скользнул по посетительнице клуба, которая только-только вошла в зал. Девушка осмотрелась вокруг, как бы решая, где же ей присесть, за столиком, или же за бар стойкой, и отдав должное последней, легкой, грациозной походкой, пересекла танцпол. В полу мраке царившего в клубе, из за сотни неоновых лучей, Антону не удалось разглядеть лица пришедшей, но необъяснимое притяжение не позволяло оторвать от нее взгляда. Было еще совсем рано, посетителей еще практически не было. Музыка играла тихо и приглушенно, а диджей, заживавший местную молодежь, на своем месте потягивал какой-то коктейль, позволяя своей неактивностью немногим, уже прибывшим компаниям, переговариваться между собою, что станет практически не возможным, как только он приступит к своим обязанностям.

Девушка подошла к бар стойке, чем сразу привлекла к себе внимание бойкого бармена. Антону сразу стало ясно, что нанятый им молодой молокосос, улыбчиво предлагая госте различные напитки рассчитывал не только на заказ, но и на ее личное внимание, что не приятно резануло мужчину. Какое-то чувство собственника проснулось в нем, чего не мог объяснить и сам Антон, так как дело касалось абсолютной незнакомки. В следующий момент до него донесся низкий, чуть хрипловатый голос Даны, а это была именно она, который своей бархатистостью обволакивал, затягивал, это был голос гипнотизерши, услышав который, уже не возможно было отвлечься на что либо иное. Антон прищурив глаза попытался по лучше рассмотреть девушку, но все, что ему удалось увидеть, это темные волосы, зачесанные назад, спадающие на точенные плечи и потрясающую фигуру. Он мог биться об заклад, что лицо

у незнакомки так же красиво, но пока его взору открывались лишь размытые черты маленького личика с задорным, слегка вздернутым носиком.

Жестом подзвав к себе шедшего мимо официанта, он приказал.

– Видишь девушку у бар стойки, брюнетка. Угости ее от меня бутылкой самого лучшего шампанского. Скажи от хозяина заведения.

– Хорошо, Антон Викторович. – Раскланялся официант и направился в хранилище вин.

Антон же продолжал свое наблюдение. Пока ему нравилось в ней все. Хрупкость, кошачья грация, которой сопровождалось каждое ее движение, но больше всего его поразило то достоинство и чувство независимости с которыми себя держала эта незнакомка. Она пила свой напиток с ленивой непринужденностью, спокойно игнорируя навязчивые знаки внимания, как самого бармена, так и других посетителей мужского пола. Лишь только поднятая бровь и кривая полуулыбка сопровождали молчаливый отказ девушки от назойливых поклонников. Когда же один из ловеласов, все-таки не допоял ее реакции, к Антону долетел жесткий, но спокойный монолог в сторону оторопевшего повесы, после которого тот быстро вернулся к своей компании.

«Да! – подумал Антон. – А это по ходу еще та штучка. Ну что же? Посмотрим.»

И тут она посмотрела прямо на него, будто почувствовав на себе его пристальный взгляд. Заметив, что на нее смотрят, она не отвернулась, не заулыбалась заискивающе, как это делали многие другие, узнав в нем хозяина клуба, наоборот, она скользнула по нем равнодушным взглядом, и как бы не найдя в нем ничего для себя интересного, стала рассматривать обстановку зала. Признаться, Антон, не привык к такому безразличию со стороны слабого пола, поэтому такая реакция незнакомки одновременно разозлила и заинтриговала его.

Дана же сидела ни живая, ни мертвая. Она уже заметила, что все-таки сумела обратить на себя внимание нужного ей субъекта. Дана даже не понимала, радоваться ей или уносить отсюда ноги, на нее волнами накатывал ужас от этого всего, и от самого Антона, и от его друзей отморожков, которые обсели его, и вообще от всей, теперь уже устрашающей обстановки самого клуба.

Когда, Дана, уже практически решилась по добру, по здорову, сматываться отсюда, перед ней возник симпатичный официант, одет в форму с эмблемой клуба, изображавшую горящий факел,

– Здравствуйте. – вежливо поприветствовал ее паренек. – Вам презент от хозяина заведения. Он желает вам приятного отдыха. – После чего, жестом волшебника, водрузил перед ней, на бар стойку, бутылку запотевшего, очевидно дорогущего, шампанского, потом ловко протер красивый фужер белой салфеткой, и налил в него искрящейся напиток.

Взяв себя в руки, Дана бросила в сторону Антона холодный, надменный взгляд, после чего также холодно обратилась к официанту.

– Я благодарна вашему начальству за внимание, оказанное мне. Но я не за этим сюда пришла. Я пришла отдохнуть и потанцевать. Одна! – Уточнила, с нажимом в интонации девушка. – И выпить, тоже одна! И не шампанское, а то, что захочу я! – Утверждала разозленная Дана. – Его я кстати терпеть не могу. Так, что уберите, пожалуйста, пока я вернусь. – После этих слов Дана резко спрыгнула с высокого стула и с независимым видом направилась в уборную.

Влетев, со скоростью звука, в просторную туалетную комнату, которая была обложена бордовой плиткой с золотой тесьмой, как и весь прочий интерьер ночного клуба, Дана перевела дыхание.

«Вот похоже и все! – подумала она. – Пути к отступлению нет.»

Что бы немного успокоиться, девушка открыла кран с холодной водой и смочив в ней руки, освежила с их помощью шею и зону декольте. С каким бы она удовольствием окунула бы под кран с этой холодной водой свое горящее лицо. Но это так же не возможно теперь,

как и капитуляция из «Багрянца», именно такое название было у клуба. Еще раз сполоснув руки и высушив их электрической, ультрасовременной сушилкой, Дана вынула из своего клатча помаду и тщательно подвела губы. Окинув себя в зеркале самокритичным взглядом, Дана подмигнула своему отображению и мысленно прочитав молитву, направилась обратно в зал.

То, что она застала вернувшись на свое место, у бар стойки, опровергло ее в шок. Такого напора Дана точно не ожидала. Бутылка с шампанским уже исчезла, а ее место заняли два массивных бокала наполнены янтарной жидкостью, ее же стакан с недопитым виски, также бесследно исчез. Но не это шокировало Дану. На высоком, барном стуле, где еще несколько минут назад, сидела она, сейчас восседал сам хозяин здешних хоромов, и в нетерпении постукивал пальцами по дереву стойки. Увидев приближающуюся девушку, он просто молча стал ее разглядывать, как одну из его ярких витрин этого бара, что еще больше разозлило Дану. Надо отдать девушке должное, она совсем не растерялась, Дана всегда гордилась этой чертой своего характера, умением держать себя хладнокровно в критических ситуациях. Она решала свои проблемы с сухим и хорошо просчитанным расчетом. Так повела себя Дана и сейчас.

– Ну как? Вы остались довольны? Или все же, что то не так? – Чуть хрипло, но с ноткой безразличия, спросила Дана.

И тут Антон ей улыбнулся широкой, белозубой улыбкой.

«Да, а она не промах, эта красотка. Ну что же малышка, посмотрим, кто кого.» – молча размышлял Антон, любясь незнакомкой.

– И чем же по твоему я должен остаться доволен, детка? – Продолжая улыбаться спросил у Даны Антон.

– Тем, что вы уже почти четверть часа во мне разглядываете. Хотелось бы знать, стоила ли я такого внимания, или над вами сыграл злую шутку здешний полумрак?

Выслушав эту тираду Антон запрокинув голову громко, от души, захохотал. Вот, что ему подняло вконец испорченное настроение. Эта маленькая чертовка заставила его смеяться так, как он уже не смеялся довольно давно. Да, он не ошибся в предположении, что она должно быть красива, но он по правде говоря, и не ожидал, что на столько. Это была совсем другая красота, разительно отличавшаяся от теперешних худосочных, модельных эталонов. Пожалуй, во внешности девушки было больше экзотики, чем идеальных стандартов. Но больше всего его поразили глаза, которые гневно сверкая, смотрели на него, требуя ответа. Как бы он их описал? Большие, нет не так, огромные глазища, которые ярко зеленели отливая необъяснимой синевой и своей миндалевидной формой напоминали глаза дикой кошки. Взглянув в эти глаза, Антон каким-то под интуитивным сознанием увидел в них свою гибель. Признаться, это чувство ему совсем не понравилось, ведь даже его постоянные пассии, с которыми он проводил довольно много времени, не возымели над ним и сотой доли той власти, которую возымела эта чертовка, лишь удостоив его одним взглядом.

– Мой вопрос не риторичен. Или отвечайте, или освободите, пожалуйста, мое место. – Настаивала Дана. – Я пришла сюда, что бы отдохнуть, и если вы не намеренны предоставит мне такую возможность, то я пожалуй поищу более подходящее для этого место. – И после сказанного уже собралась уйти.

Слова девушки вырвали Антона из оцепенения, которому он мимо воли поддался увидев ее вблизи. Он ухватил ее за руку, стараясь удержать от преждевременного ухода, которую она резко отдернула.

– А теперь по порядку. Я доволен. Очень. Могу сказать, ты, детка, превзошла самые смелые ожидания. И, нет. Другого места искать не надо. Я лишь хотел предложить компанию в своем лице, чтоб прекрасно провести время здесь. – Мягко, почти полупшепотом объяснил Антон.

Выслушав его, Дана склонилась к уху Антона, обдав его своим свежим дыханием и ароматом духов, легким, неуловимым, но слегка терпким, как и сама она, и так же полупшепотом спросила.

– А с чего ты взял, раз мы уже перешли на ты, что мне нужна компания, тем более в твоём лице? – После чего резко выпрямилась, от чего тяжёлая волна волос, словно шелковым покрывалом, скользнула по плечам и руке молодого мужчины.

«Ни черта себе! – мысленно возмутился Антон. – Что она о себе возомнила? Она хоть имеет малейшее представление с кем разговаривает?»

Но он решил не горячиться. Медленно протянув руку он прикоснулся к Даниным волосам, потом будто поглаживая их, намотал на свое запястье крупный локон девушки. Однако, это было сделано так мягко, даже нежно, что не доставило ей абсолютно никакого дискомфорта. Так что её реакцией была лишь приподнятая бровь.

«Да, а эта штучка не из пугливых. – подумал Антон, смотря Дана в глаза. – Да и пугать мне её совсем не хочется. Тут нужен другой подход...»

Прижав к своим губам намотанный на руку локон волос, он продолжил ранее начатую им же игру и шепотом добавил.

– Потому, что я этого хочу. Считаю этого вполне достаточно.

Пришла Данина очередь расхохотаться ему в лицо. И вместо того, что бы посчитать себя униженным, этим пренебрежительным смехом, Антон по неволе залюбовался его бархатным звучанием. Власть насмеявшись, Дана отчеканила стальным голосом.

– Я не рождена исполнять чьи либо пожелания.

– Ты считаешь, что рождена, для того, чтоб исполнялись твои пожелания? – Парировал Антон.

– И снова мимо! Я никому, ничего, не должна. Как и никто и ничего должен мне. Все в чем я нуждаюсь на данный момент, у меня есть. Если же, когда то, мне что то, или кто то, будет нужен, то это будет лишь мой осознанный выбор, а не реакция на чье то пожелание. Надеюсь, я понятно излагаю?

Дана поняла, что хватанула лишнего, по взбешенному лицу своего собеседника. Сказать, что она умудрилась за несколько секунд его практически, вывести из себя, это ничего не сказать.

– Слушай, детка, ты говори, да не зарывайся, а то я могу не на шутку разозлиться. И тогда тебе не поможет даже твоя смазливая мордашка. Ты, прежде чем хамит кому не попадая, заведи привычку, сначала узнать с кем разговоры ведешь, а то можешь на большие неприятности нарваться. Ты понимаешь, о чем я тебе сейчас толкую? – Уже начал повышать голос Антон видя на лице девушки презрительную улыбку, вместо ожидаемого страха.

Дана все прекрасно понимала, и от этого холодный пот ручейком сбегал у нее по позвоночнику. Но на ее внешнем виде этот звериный страх никак не сказался. Ее спокойный ответ ввел Антона буквально в ступор.

– Прекрасно понимаю. И с кем разговоры веду тоже знаю. Признаться, уже слышана о твоей персоне. Однако все эти страшилки, не знаю уж правда это или выдумка, не возымели результата на который ты рассчитываешь. Тем более, думаю у тебя найдутся дела по важнее, чем воевать с отказавшими тебе девицами.

– Таких не много. – Возразил Антон.

– Ну одна, по крайней мере, уже есть. – Не осталась в долгу Дана. – Ну так как? Я могу отдыхать дальше, или я и так здесь задержалась?

– Да че ты на меня взъелась? – Не выдержал Антон, вскакивая со стула. От его спокойствия не осталось и следа. – Я тебе, что, секс предложил, что ты так взбеленилась? Чем то оскорбил? Чем тебе так не приятно знакомство со мной, может просветишь меня на этот счет?

– Не думаю, что тебе понравится то, что я могу сказать. – Спокойно заметила Дана, ничуть не поддаваясь на эту внезапную вспышку.

– Нет, ты все же скажи. А понравится мне или нет, тебе какая разница? Или все же боишься? – Не унимался никак Антон. Он не мог взять в толк, за какие грехи перед этой девушкой, которую он видит впервые в жизни, она сейчас его распекает.

– Не боюсь. – С вызовом ответила Дана. – Хотя, возможно, и стоило бы. Ну ладно, раз ты так настаиваешь, я скажу. Мне интересны люди, которые стоят чего то в этой жизни без посторонней помощи и поддержки. Которые, все, что их окружает, создают сами, как бы это созданное не измерялось в денежном эквиваленте. И терпеть не могу людей, особенно мужчин, родившихся с золотой ложкой во рту, не знающих ни чему цену и считавшим, что им принадлежит весь мир, стоит лишь им щелкнуть пальцами. И не стоит мне больше напоминать, сколько всевозможных бед может обрушиться на мою бедную голову, за то, что я посмела заговорить с тобой в таком тоне. Это – не хамство с моей стороны, как ты себе истолковал, это мое мнение и моя воля, которую я ни кому не смею навязывать. Так что, как человека, тебя прошу, не навязывай мне свою, оставь меня, пожалуйста, в покое. Уверенна большинство отдыхающих здесь красоток будут просто счастливы составить тебе компанию на сегодняшний, да и не только, вечер.

– А мне не надо это большинство, мне ты нужна. – Твердо сказал Антон глядя в глаза Даны. – И это лишь вопрос времени, поверь. А насчет твоего просветления меня о том, какие люди, особенно мужчины, тебе нравятся, я отвечу коротко, родиться с золотой ложкой, это счастливая случайность, а вот уметь удержать во рту, эту ложку, это уже качество, которым владеют не все. А вот чему учит и в чем закаляет это качество, я тебе в другой раз объясню. Сейчас я исполню твое желание и оставлю тебя в покое, но это только сейчас... – Проговорил Антон и направился к ожидавшим его за столиком друзьям.

Признаться, Дана, не ожидала такого быстрого отступления, ее даже одолело какое-то острое чувство разочарования. Теперь остается только выждать. Если она не ошиблась в этом типе, как в личности, то она его здорово зацепила. Если же нет, то все потеряно. Что если и правда он не счел нужным тратить свое время на уговоры несговорчивой девченки и обратит свое внимание на более покладистых красоток, которых набежало, за время их недолгого разговора, несметное количество. Да! Выбор и правда был велик! Как говорится, на любой вкус. Что тогда? Все зря?

«Так, Дана, уймись и прекрати истерить. – молча приказала она себе. – Лучше выпей и иди танцевать, музыка твой лучший советчик.»

Залпом опрокинув виски, на глазах у пораженного бармена, Дана круто развернулась и направилась прямо в центр танцпола. Диджей подзарядившись изрядной порцией коктейля, а может чем то и по крепче, что никого бы не удивило, зная репутацию данного заведения, уже завел танцующую публику на полную катушку. Дана, должна была признать, что он хорошо делал свою работу. Похоже у этого, Антона, работают только профессионалы высшего класса, в чем ничего удивительного нет, такие как он, с детства привыкли к всему самому лучшему и дорогому.

Из мощных динамиков, распаханных по всевозможных углах зала, зазвучал популярный трек, что привело всех танцующих в бурный восторг. Дана тоже нравилась эта музыка, и при первых же аккордах она полностью поддалась ритму танца.

С раннего детства, Дана, любила включать телевизор и танцевать перед зеркалом. Она обладала природной, кошачьей грацией, так что этих невинных детских забав вполне хватило для возможности танцевать на любой публике и не быть осмеянной. Наоборот, танцуя, Дана не раз ловила на себе взгляды, если мужские, то полны восторга, если женские, то полны ненависти.

Антон вернулся к своим друзьям в еще больше испорченном настроении, чем раньше, настолько его неприятно поразило и зацепило за живое такое открытое пренебрежение со стороны незнакомки. Чтобы притупить непонятное чувство он с удвоенной силой начал поглощать спиртное со стола.

– Э-э. Антоха! Неужели эта куколка дала тебе от ворот поворот? – Заржал Серега видя перед собой изумленное лицо своего друга и шефа одновременно. – Так ты бей сразу сказал кто есть кто! зуб даю, эта девка сразу бы стала более покладистой.

– Ей уже сказали кто я. Оттого и отшила. Ей видите ли не нравится мой способ жизни. Все четверо дружков уставились на него по открывав рты.

– Че, прям так и сказала? – Спросил ошарашенный Ден, на что, Антон, утвердительно кивнул и опрокинул в себя очередную порцию спиртного.

– Во, шалава! – Возмутился Серега. – Да я щас ей ноги повыдергиваю, этой соске. Она, что попутала? Это ты, Антоха, у нас весь такой джентельмен, мухи не обидишь, если она женского пола, а мне по фиг, только скажи, и из этой пигалицы останутся только рожки да ножки. – После чего заржал, как бы сам удивляясь своей удачной метафоре.

– Нет, только пальцем ее тронь, и рожки с ножками придется твоей матери хоронить. – Жестко ответил Антон на предложение кровожадного Сереги, после чего тот, как то поник, понимая, что сегодня такие развлечения ему не светят.

– Да, видно прилично она тебя чем то задела. Хотя, спору нет, девка хороша.

– Хороша, да не ваша. – еще больше взбесился Антон. – Закрыли тему. Девченку не трогать. Узнаю, кто ослушался, убью на месте. Вокруг полно девок, ими и займитесь, а в сторону этой даже смотреть запрещаю.

– Все, все, успокойся ты. – Поднимая руки вверх успокоил его Ден. – Мы просто пошутили. Ведь пошутили, да Серега? – Обратился он к угрюмому братку. – Никто ее не тронет. Надо тебе будет, сам разберешься. А мы так, на подхвате, если что.

– Угу. – Буркнул Антон, немного успокоившись. – Знаю я ваше, если что.

И все же он не мог понять, почему девушка была столь категорична в отношении к нему. Он прекрасно понимал, что род его деятельности идет в разрез закона и моральных нравов, осознавал, сколько на его совести искалеченных судеб, но по другому у него не получалось. Антон, считал, что деньги не пахнут, и не собирался ничего менять в своей жизни. В теперешнее время, любой более или менее приличный бизнес, в тесную переплетен с криминалом. Вся дающая доход деятельность, это большая, развитая сеть одной могущественной системы, которая законами лишь подтасована, но не следующая его правилам. Самый свой большой доход, Антон, имел с распространения наркотиков, клуб был лишь удобной ширмой. Все понимали, что собой представляет такой бизнес, но никто не смущался с его помощью сколачивать себе капиталы. Почему же он не должен этого делать? Да и отец, как оказалось, не оказал никакого сопротивления, что дало Антону основания для подозрений, что и он в свое время не гнушался этого ремесла, о чем свидетельствовали не шуточные связи и зеленые коридоры предоставленные ему с помощью отца. Хотя глобально, в дела сына Архипов старший, не встрявал, давая ему возможность самому развиваться, лишь по необходимости, сопутствовал его своей поддержкой и влиянием. Ну и откаты шли от Антона в отцовские руки, куда они попадали дальше, Антон, не знал, да и знать, собственно говоря, не хотел. Скорее всего, поэтому его так и зацепило обвинение незнакомки в том, что мол без помощи отца он и ломаного гроша не стоит. Безусловно, без родителя ему бы вряд ли удалось развить свою деятельность до таких масштабов, но и считать, что он только использует уже все готовое и не прилагает к этому никаких усилий, он не позволит никому. Особенно ей! Почему то Антону, а почему, он и сам себе не мог объяснить, хотелось доказать этой девченке, что он и сам по себе многого стоит. Антон не хотел применять в отношении девушки ни насилия, ни даже моральной давки, он хотел чего то другого, и так как это желание было ново для него, он и сам не понимал, что

с ним происходит. А может ну ее, к черту, эту высокомерную выскочку? Кто она? И кто он? Он голову на отсечения дает, что эта самоуверенная зазноба, одна из нищих студенток, которая живет на одну стипендию и нищенскую зарплату родителей. А в том, что она не одна из числа золотой молодежи, он был уверен. В обратном случае, он бы точно ее узнал. Так что пусть валит к чертям, эта малохольная дура, вместе со своими принципами и идеалами. Ну ничего, жизнь в нынешней среде быстро сорвет с ее глаз розовые очки и опустит с небес на землю. Но без него! У него нет, ни времени, ни желания возиться с этой припадочной! А на сегодняшний вечер ему не составит труда найти себе компанию для снятия напряжения, он уже заметил группу девушек сидевших за соседним столиком и всеми силами пытавшихся обратить на себя его внимание. Пожалуй, они ему и помогут расслабиться, думал Антон смотря на мелькавшие смазливые мордашки. А эта пусть идет ко всем чертям!

И тут его будто током ударило! Она танцевала в самом центре огромной танцплощадки. И делала это так, что десятки мужских взглядов, буквально пожирала ее глазами, а девушки, заметив серьезную конкуренцию в ее особе, были готовы стереть с лица земли. Незнакомка, казалось, даже не замечала, какой фурор произвела своим танцем. Двигаясь в ритм под музыку, казалось она слилась с ней в одно целое, а ее тело, плавно выгибаясь в сочных аккордах, было лишь музыкальным продолжением. Она была прекрасна! Разметавшиеся по плечам волосы, от дерзких движений, горящие безудержным блеском глаза, полуоткрытые, пухлые губы... Антон не мог оторваться от этого завораживающего зрелища! Кровь бурными толчками застучала в висках и принятое секундой ранее решение оставить ее в покое мгновенно позабылось. Ничего на данный момент не хотелось ему так, как обладать этим прекрасным телом. Обладать ею всей, без остатка.

Танцуя, Дана настолько посвятила себя танцу, что даже и не заметила, вновь обретенного к себе внимания со стороны Антона. Ритмичный зарубежный трек закончился и из динамиков полилась нежная мелодия. Медленный танец! Он в ее планы не входил, так что Дана решила вернуться к ожидавшему ее второму стакану виски, нарочито делая вид, что не замечает нескольких молодых людей, которые уже направлялись к ней, что бы пригласить на танец. Резко повернувшись, что бы уйти с танцплощадки, Дана с силой, буквально врезалась в широкую, мужскую грудь обтянутую белой футболкой.

– Я даже не думал, что ты так обрадуешься моему возвращению. – Хриплым голосом прошептал ей на ухо Антон, заключая в свои объятия.

У Даны не было ни малейшего шанса вырваться из железной хватки обнимающих ее рук. По напряжению ее до сих пор расслабленного тела, Антон понял, что девушка намеревалась избежать этого внезапного плена. Прижав ее к себе еще более тесно он добавил.

– Это всего лишь один танец. Может просто потанцуем, не предоставив этой толпе возможности наслаждаться нашей перепалкой. Как думаешь?

Дана не могла думать. Она абсолютно ничегошеньки не соображала, чувствуя лишь одно, сильные руки на своем теле. Такая реакция на его прикосновения застала ее врасплох. Чего, чего, а этого она от себя не ожидала! Безусловно, Антон красив, лицо и фигура греческого бога, глядя на которое, ее поражала несоответственность внешнего и внутреннего мира этого человека. Данае пришлось в голову, что Люцифер, тоже был красив, это сравнение показалось ей очень кстати. Но вот предательство собственного тела повергло ее в отчаяние. Этого не должно было случиться. В том, что она задумала, ей нужен здравый смысл и холодный рассудок, а не все то, что сейчас с ней происходило.

Много парней пытались заинтересовать ее своей персоной, вызвать в ней хоть какие-то эмоции, но удалось это, только самому не подходящему кандидату.

«Бред! Это все виски! Воздействие алкоголя на ее воспаленный от переживаний мозг! Спиртное выветрится, и все как рукой снимет!» – мысленно успокаивала себя девушка.

Антон же, крепко, но как то очень нежно и мягко прижимал к своему, словно высеченному из камня, торсу одеревеневшее тело Даны, вел ее медленным, спокойным шагом танцуя медленный. Горячее дыхание молодого мужчины обжигало щеку и шею девушки, Дана трепетала, как пойманная в силки птица, и молилась лишь об одном, чтоб он не догадался, как на нее подействовала их близость. Она одновременно желала убежать от Антона, как можно подальше, и тут же хотела остаться в этих сильных, и по странному надежных объятиях на всегда.

Резкая боль обожгла ее щеку и взобралась выше, к волосам. Физическая боль поразившая Дану, была столь неожиданной, что она не сразу поняла, что причиной всему являлась разъяренная, платиновая блондинка, которая уже в данный момент извивалась в руках Антона, пытавшегося оттащить ее от Даны. Что то горячее и липкое потекло ручейком по шее и ключице Даны. Эта сумасшедшая расцарапала ей лицо!

– Пусти! Пусти меня, тварь! – В бешенстве изгибалась как змея, пыталась вырваться блондинка. – Так—вот почему ты меня отшил? А ты меня и ребенка променял на эту шалаву! – Лиза, уймись, не то сильно пожалеешь. – пытался урезонить Антон взбешенную мегеру.

– Уняться? Я уймусь! Я уймусь как только повыдергиваю этой шмаре последние волосы. – Провизжала Лиза, при этом умудрившись вывернуться из его рук и с удвоенной силой наброситься на Дану, в оцепенении рассматривающую свои окровавленные руки.

Но воплотить задуманное в реальность Лизе не удалось. Появившийся внезапно Сергей, заметивший из за своего столика эту любовную баталию, перехватил злобную ведьму и закинув брыкающуюся Лизу на плечо, буркну Антону.

– Я ее в подвал. Пусть остынет. Освободишься, дашь знать, что дальше. – и удалился неся орущую девушку, словно мешок с картошкой. Лиза извивалась, визжала и пыталась укунить своего тюремщика, но все ее попытки оказались тщетными и не дали абсолютно никакого результата.

Антон поспешив к Данае, пальцами приподнял за подбородок ее лицо и весь потемнел от ярости. Через всю левую щеку Даны протянулись три ярко-красные борозды, оставшихся от острых ногтей Лизы, с которых тоненькими струйками сочилась кровь, пачкая нежную кожу и платье девушки. Он явно увидел, что его незнакомка поражена и растеряна.

– Тебе больно, детка? —Охрипшим от волнения голосом спросил Антон, но немного удивился, увидев абсолютно сухой, лишенный малейших признаков слез, глаза.

– Немного. Правда, я считаю, что заплатила слишком высокую цену за то, чего совсем не хотела. Уверенна, если бы эта припадочная, знала мое истинное отношение к тебе, она бы вела себя со мной более дружелюбно.

Антон улыбнулся ей своей белозубой улыбкой.

«Да, обаяния в этом засранце хоть отбавляй! – подумала Дана. – Возможно, не только из за денег девицы падали перед ним штабелями.»

– Ну, пока нам это не известно, я предлагаю тебе пойти со мной и обработать рану. Там ничего страшного, но продезинфицировать надо. – Сказал Антон увлекая девушку за собой и уводя ее с набитого битком зала. Пройдя в фойе, он свернул в сторону, в углу которой располагалась лестница, ведущая на второй этаж. Поднявшись по ступенькам, покрытых черно-белой плиткой, они оказались в широком, прямоугольном коридоре, в центре которого виднелась лишь одна только дверь. Антон набрал нужный код на электронном замке и открыв ее, жестом пригласил Дану войти внутрь. Переступив порог Дана оглянулась вокруг. Это был рабочий кабинет. В центре, под окном, занимавшего большую часть стены, окна, стоял добротный стол из красного дерева, возле которого стояло хозяйское кресло и напротив него два таких же, разве, что чуть по меньше. На столе царил удививший Дану порядок, новейший марки, закрытый ноутбук, в стороне в небрежной, но довольно аккуратной стопке, какие- то

папки и бумаги, рядом приютился серебряный стакан с ручками и карандашами. Видно было, что хозяин этих апартаментов предпочитает порядок во всем.

– Не знала, что род твоих занятий требует наличия кабинета. – Не упустила Дана случая уколоть.

Одной рукой девушка держалась за пострадавшую щеку, сквозь пальцы просачивалась кровь и скапывала на платье, под конец его испортив. Антон, сделав шаг к ней и своей рукой отведя ее руку от израненной щеки, нежно проговорил.

– Хорош пускать яд, детка. Давай лучше обработаем твою рану. – После чего направился в сторону еще одной двери, которую Дана в начале и не заметила. – Иди сюда, не бойся, я не кусаюсь. – Позвал Антон ее за собой.

– Как знать? – Не удержавшись, снова съязвила Дана все -таки следуя за ним.

Это была еще одна, судя по всему, для его личного отдыха комната, о чем свидетельствовала широкая кровать, большой, на пол стены, шкаф купе, вмонтированный прямо в стену и даже ничем не скрытый, сейф и еще одна дверь, в ванную.

– Садись. – Предложил Антон указывая ей на большое, мягкое кресло. – Я сейчас. – и направился в ванную, откуда явился, секундой спустя, с аптечкой в руках.

Все то, что происходило, категорически Дана не нравилось. В ее планы никак не входила такая интимная обстановка наедине с Архиповым, даже при таких плачевных обстоятельствах, в которые ее увлекли против воли.

Антон смочив ватный тампон раствором перекиси, принялся за жуткие царапины на ее лице. Дана поморщилась от сильного жжения и он легко подул на щеку, не переставая промывать. Дану поразило, с какой мягкостью и безграничной нежностью этот мужчина проделывал все эти манипуляции. Оказывается, что даже такой жестокий и безжалостный человек, как он, умеет быть ласковым. Отбросив в сторону, уже не нужный тампон, Антон, легко стал поглаживать другую, уцелевшую, гладкую, как атлас, щеку своей незнакомки. С усилием вдохнув воздух он спросил замершую Дану.

– Зеленкой замазывать будем?

От такой интимной ласки по телу девушки пробежала горячая дрожь. Дана не понимала, что с ней происходит. Она вся горела, буквально таяла под умелыми движениями рук Антона. В голове стало легко и пусто. Она забыла, что она тут делает, что толкнуло ее на знакомство с Архиповым. Вдруг ей до боли захотелось, чтоб знакомство с этим мужчиной и правда оказалось простой случайностью, а не хорошо состряпанным, ею же, сценарием. Захотелось, чтоб на самом деле не знать кто он, и что собой представляет. Почему он тот кем он есть? Почему он не просто, молодой мужчина, с которым ее просто свела судьба? Почему, именно он, смог разбудить в ней все те чувства, которые ее сейчас одолевают?

Сообразив, что Антон ждет ее ответа, не переставая при этом поглаживать ее горящую щеку, иногда затрагивая маленькую мочку уха или спускаясь ниже, к бешено бьющейся, тонкой жилке на шее.

– Не думаю, что так уж необходим столь боевой раскрас. – Собрав все силы сумела ответить Дана, но оторвать глаз от его горящего взгляда так и не сумела.

– Мне захотелось ее удушить за то, что она сделала тебе больно.

– И ты бы смог это сделать?

– Нет. Я никогда не трогаю женщин.

– И никогда не бывает исключений?

– Исключения бывают всегда. Но я стараюсь делать это обходясь без насилия. Есть много других способов добиться желаемого результата.

– А разве моральная давка, это своего рода не насилие? – Не отставала Дана.

– Ну, в моральном плане я менее щепетилен.

– Да? И как далеко, в этом плане, ты можешь зайти?

– Лучше тебе никогда не знать меня с этой стороны, малыш. – На одном дыхании проговорил Антон, после чего заключил девушку в свои объятия, найдя губами ее рот.

Его поцелуй произвел на Дану оглушающее впечатление. Нежный, но одновременно властный, сладкий, в сопутствии с мужской приторностью и горячий на столько, что в жилах вместо крови побежала горячая лава. Не смотря на все звоны, которые били, в еще не полностью поработанном сознании Даны, тревогу, она не смогла себя заставить отказаться от его пьянящих губ, даривших острое наслаждение. Ей казалось, что стоит только оторваться от него, как к ней перестанет поступать кислород, сейчас она видела в нем единственный источник своего дыхания, будто он вдыхал в нее целую, жизнь.

Не менее был поражен и сам Антон, той бурей чувств, которую вызвал у него такой невинный поцелуй. В висках стучало, на лбу выступил холодный пот, тело свело от огромного напряжения, вызванного настолько сильным желанием обладать этой девушкой, какого он еще не испытывал ни с кем. Ни одна из его многочисленных любовниц не доводила его до такого состояния даже самими смелыми ласками, а тут лишь один, вполне целомудренный поцелуй. Он почувствовал, как в его объятиях сдалась и сама Дана, и от сознания этого окончательно потерял голову. Дана ощутила как ласки Антона осмелели, затрагивая самые опасные зоны и ценой невероятных усилий, все-таки смогла оказать сопротивление.

– Остановись, не надо. – Зашептала Дана упираясь руками в сильные плечи.

– Почему? Тебе не приятно? Мне казалось нам хорошо вместе. – Разочарованным, прерывающемся от чрезмерного возбуждения голосом спросил Антон.

– Не в этом дело. Просто для меня не все так просто, как может быть для тебя.– Дана старалась не смотреть в горящие гневом не понимания глаза.

– Не понимаю.

– А тут нечего понимать. Я не игрушка на одну ночь. – Отчеканила Дана.

– Это, что, такая игра? – Вскликнул он к ней Антон. – Сначала ты доводишь меня до иступления отвечая на мои поцелуи, а потом отталкиваешь и сообщая мне, что все не просто? – Не переставая метаться по комнате спрашивал Антон. – Аааа, кажется я начинаю понимать... Слушай, а может наша встреча не так уж случайна? А? Что скажешь? Может, ты не просто так оказалась в моем клубе? Да ты и не скрывала, что знаешь кто я. – Продолжал мужчина вслух свои предположения, не давая Данае возможности вставить в этот монолог хоть слово. – И что же, детка тебе от меня надо? Или может, кому то другому, что то от меня надо! Кто тебя пытается подложить под меня? Хотя нет... – Сделал еще одно заключение Антон. – В этом случае ты бы не брыкалась и уже была бы в моей койке. А может, ты как и эта сумасшедшая, вбила себе в голову женить меня на себе? – С видом триумфатора посмотрел Архипов на оторопевшую Дану. – Ну да, точно! Все вы бабы одинаковые! И с чего я себе вообразил, что ты не из числа этих охотниц за деньгами.

Кровь в жилах у Даны застыла. Как ему удалось так быстро ее раскусить? Где она допустила такой промах? Да все она сделала не так!

«Ни в коем случае, нельзя было допускать с ним какой-либо близости!» – мысленно себя ругала, на чем только свет стоит, Дана.

Все, что надо было сделать, это заинтересовать и заинтриговать, а она что? Пустилась во все тяжкие, стоило ему к ней только прикоснуться. Вздыхала, таяла в его руках, а потом дала от ворот поворот. Конечно, в его глазах вся эта ситуация выглядит дешевым фарсом! И как теперь выкручиваться? А делать это надо немедленно!

– Господи. Какой бред? – Натянуто рассмеялась девушка ему в лицо. – Да у тебя звездная болезнь! Хотя, что с тебя взять?

– Видимо, ты все-таки нашла, что с меня взять, раз разыграла здесь всю эту паршивую комедию. Может скажешь, что тебе от меня нужно? И так уж быть, пожалею тебя, так сказать

получишь моральную компенсацию. – Кричал Антон, кивком головы указывая на ее изувеченную щеку. – Дам, что захочешь, без надобности тебе, себя продавать.

Не сумев больше ни секунды терпеть шквал оскорблений и унижений, которые сыпались, как снег на голову, Дана залепила Антону, звонкую, со всего размаха, пощечину. По побелевшей от ярости и злости щеке Антона расплзлось ярко-красное пятно, которое мгновенно превратилось в отпечаток маленькой, но неожиданно сильной ручки.

– Не смей! – Как дикая кошка прошипела Дана.

– Мне просто показалось, что ты особенная, не такая как эти все... Я подумал, у нас могло бы что то получиться. – Поникшим голосом безучастно сказал полностью растерянный Антон.

– Особенная? Получится у нас? Да все, чего тебе от меня надо, так это – разовый секс. Это ж у тебя на лбу написано! – Пришла уже очередь Даны кричать. – Ты ж привык ни в чем не знать отказа! Что продается – покупаешь! Не продается – силой берешь! Тебе же чуждо все человеческое! Тебе плевать, на чужую жизнь, чужие взгляды и принципы. Все, что идет в разрез с твоими желаниями, не имеет права на существование. – Дана понимала, что ее понесло, она понимала, что ни одно сказанное ею слово, не принесет ей пользы, возможно даже наоборот, лишь повредит, но ей было так больно, так горько, что никакая сила не смогла бы ее остановить.

Антон смотрел на разъяренную девушку открыв рот. В ее гневе было столько неподдельной боли и разочарования и даже слезы на глазах заблестели... Кто же она такая, черт ее подери? Неужели на самом деле, еще существовали девушки, которые ценили и берегли свою честь? Неужели, есть еще такие, которые не покушались на золотую жизнь, а лишь дарили себя по любви? Ну это не для него! Она права, Антон никогда никого не любил, не считая, естественно, его семью, в которой он души не чаял. У него было много девушек, но более чем чувства физического влечения он к ним не испытывал. Но как же тогда объяснить те чувства которые, она, в нем вызывала? Они были на столько для него новы, что пожалуй впервые в жизни Архипов младший, по настоящему растерялся. Вместо того, чтоб избавиться от этой особы, требующей от него столько времени и внимания, и заняться другими, более важными проблемами, ему почему то, захотелось, заключить ее в свои объятия и просто сидеть с ней, вот так, просто ощущать ее рядом, вдыхать ее запах, чувствовать под руками гладкий шелк ее волос... Антон тряхнул головой прогоняя состояние временного помутнения. Дана же заметив его внутреннюю борьбу, пришла к выводу, что на сегодня пора заканчивать, и так затянувшееся их общее времяпровождение. Резко поднявшись с удобного кресла, жестким тоном сказала.

– Думаю уже пришло время избавить тебя от своего общества. Дай мне пройти.

– Куда ты? – Растерявшись спросил Антон.

– Бестолковый вопрос, тебе не кажется?

– Я просто хочу знать, зачем ты заявила в мой клуб?

– Я явилась в твой клуб выпить и потанцевать, часто так делаю, когда хочется разрядить мозги и тело без лишней компании. – Уставшим тоном, словно неразумному ребенку начала объяснять Дана. – И делаю так довольно часто, потому что, музыка для меня лучший антидепрессант. Да и клуб твой не закрытое заведение, его посещают все, кто пожелает, и я в том числе, по крайней мере, до сегодняшнего дня. Так что, успокойся, я явилась в Багрянец, не по твою душу.

– Раньше я тебя не видел.

– А я тебя видела, при чем не раз.

– Это не возможно, Тебя не возможно не заметить.

– Нет ничего не возможного. Ни разу ты не был один. Не заметил, потому что не смотрел.

– Допустим. —Предположил Антон. – Но как ты можешь объяснить мне свое поведение сегодня? То ты меня на шаг к себе не подпускаешь? То целуешь? То опять прогоняешь? В чем уловка, не пойму?

– Нет никаких уловок. Я – женщина. И мои поцелуи простая, здоровая реакция на красивого мужчину. До того, как здоровый смысл не взял верх над эмоциями. – Секунду помолчав, добавила Дана.

– Ты хочешь сказать, что связаться со мной может только исключительная психопатка, а нормальные, в твоём понимании, должны обходить меня стороной?

Девушка молча смотрела на мужчину, давая ему возможность утвердиться в правильности сделанного им заключения.

– Может еще раз проверим, согласно ли твоё тело, с твоими фригидными мозгами? – С досадой прорычал Антон и буквально удушил Дану своим жадным поцелуем.

Этот поцелуй ничем не напоминал все предыдущие. Он был жесткий, сильный, будто Антон утверждал над ней свою власть. Но не смотря на такой грубый акт утверждения силы и власти, чем нежности и ласки, как до этого, Дана вновь, вопреки своему желанию, почувствовала сильное возбуждение. Она хотела его! Хотела, как мужчину! И это желание было так сильно, что девушка испустила тихий, жалобный стон, услышав который Антон на секунду отклонился, посмотрев в ее затуманенные страстью глаза, и тут же возобновил свой натиск, уже более мягко и нежно.

Никто из них не знал, чем бы могло все закончиться, если бы у Антона, в кармане, не раздалась сухая трель мобильного. На Дану звонок подействовал отрезвляюще. Она резко высвободилась из его рук, Антон же выглядел раздосадованным и раздраженным от этого незваного вмешательства. Все- таки достав мобильник, из кармана узких джинсов, он посмотрел на дисплей телефона и нахмурился.

– Да. – Зло рявкнул он в трубку.

– Антоха, дело дрянь. Эта стерва скоро дверь вынесет. Она так орет, что скоро весь персонал сбежится. А еще, эта мегера грозит, что если ты ее не выпустишь, она всем газетам даст о тебе исчерпавшееся интервью, чтоб вывести тебя, друг, на чистую воду.

– Твою мать. – Тихо выругался Антон. – Серега, дай мне еще пару минут, скоро буду. – Пообещал Архипов и спрятал мобильный обратно в карман. – Слушай, детка, мне нужно уйти... – Смущенно сказал он, повернувшись к Дана.

– Вот и отлично. – Уже полностью пришла в себя Дана. – Мне тоже нужно уйти, причем уже давно.

– Я не могу тебя просто так отпустить. Когда мы увидимся?

– Увидимся? – удивилась девушка. – А зачем?

– Уухх. – Выдохнул Антон. – Детка, может хватит мне мозг выносить? Куда ты несешься очертя голову? Неужели не понятно, что мне нужна эта встреча? Или ты набиваешь себе цену, заставляя меня признаться, что я в тебе нуждаюсь.

Дана молча смотрела на возмущенного Антона, который даже не догадывался, на сколько он был прав. Обойдя его стороной девушка направилась к дверям, на ходу бросив Антону фразу повергшую его в шок.

– Ни в ком ты не нуждаешься! Ты даже имени моего не спросил. Антон. – После чего вышла и тихо прикрыла за собой дверь.

Антон оторопел. Только теперь до него дошло, что их знакомство, и правда не дошло до логичного конца. Он не знал, ни ее имени, ни, кто она, ни откуда. Не знал, потому что ему и в голову не пришло ее об этом спросить. Она оказалась права, эта маленькая чертовка, читала его, как раскрытую книгу. Все, что его интересовало, когда она была рядом, это ее лицо, ее потрясающее тело, ее сладость, которую он так спешил испробовать. Да и какая разница, как ее зовут? Для него она его маленькая детка, его обожаемый малыш. В этот раз Антона даже

не удивило, с какой легкостью и мгновенностью девушке удалось занять первое место в его мыслях и чувствах. Она не правильно истолковала его действия, объяснив себе все совсем по другому. Для нее это важно, понял Антон и кинулся с комнаты, в надежде догнать свою сбежавшую незнакомку.

За считанные секунды преодолев ведущую вниз лестницу, Антон пересек пустое фойе и пробрался в зал. Громкая музыка оглушала, свет неоновых лучей беспощадно резал глаза, не давая возможности ничего толком рассмотреть, бесчисленное количество развлекающейся молодежи мелькало перед глазами, мешая сосредоточиться. Быстрым шагом добравшись до бар стойки Антон обратился к бармену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.